

A man with dark, slightly messy hair and a serious expression is shown from the chest up, wearing a dark blue jacket with a circular patch on the sleeve. He is holding a young boy with short brown hair and a neutral expression. The boy is wearing a light-colored, heavy jacket. The background is a blurred, overcast sky and sea, suggesting a stormy or cold environment.

Марина Шторм
ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Марина Шторм
Огненная Земля

«Де'Либри»

2025

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44

Шторм М.

Огненная Земля / М. Шторм — «Де'Либри», 2025

ISBN 978-5-4491-2401-2

«Огненная Земля» — это захватывающий, трогательный и откровенный роман о любви, жизни, войне и сложном выборе, который она навязывает людям. Возможно, эта книга рассказывает об определенной войне или эпохе, но я считаю, что многие читатели из разных уголков мира, пострадавшие от разных конфликтов, смогут соотнести его с собой. Это изображение человеческой души со всеми ее противоречиями любви, ненависти, предрассудками и чувством долга. Это также великая история любви, которая показывает, что любовь — единственное и истинное чувство среди всех остальных, потому что именно любовь всегда остается с нами в конце; напоминая нам о родственной душе, которую мы потеряли, мучаясь зовом сердца.

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4491-2401-2

© Шторм М., 2025
© Де'Либри, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	17
Глава 6	18
Глава 7	19
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	23
Глава 11	27
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	35
Глава 15	39
Глава 16	43
Глава 17	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Марина Шторм Огненная Земля (Tierra Del Fuego)

© Текст. Шторм М., 2024

© РИПОЛ классик, оформление, 2025

* * *

*С благодарностью и уважением к Ингмару Витвицкому,
выдающемуся архитектору и просто замечательному человеку.*

Посвящается моему любимому мужу Оскару.

*Запах души, какой он? У каждого он свой.
Неповторимый и неповторяющийся.*

Глава 1

Мне было шесть, когда отец впервые взял меня с собой на шхуну. Атлантический океан тогда казался мне бескрайней вселенной, вызывающей в моем детском воображении бурю эмоций и страстей. Океан виделся мне загадочным миром, хранившим в сердце большого кита множество тайн.

Это было утро 1951 года на берегу Атлантического океана, на Огненной Земле, в городе Стэнли с численностью около двух тысяч человек. Тогда город казался мне мегаполисом и, без сомнения, людным. Эта многолюдность отягощала меня, ведь я был интровертом. Как и сейчас, впрочем, им же и остаюсь. Мои рамки закрытости от внешнего мира часто, да что греха таить, день ото дня разрушала рыжеволосая девчонка, живущая по соседству, дочь капитана Хосе Мануэля Торреса, своенравная аргентинка Эва. Она была старше меня на несколько дней, чем часто апеллировала, загоняя мое эго в ловушку своего тщеславия.

Наш городок Стэнли в ту пору был удивительно спокоен, как и я тем ранним июльским утром, поймавший, как бабочку в сачок, настроение большого островного города. Климат на острове был близок к субарктическому, морскому. Пара градусов Цельсия на термометре – одним словом, холодно.

Но в тот день мое тело было наполнено огнем и ожиданием приключений. Сердце горело. Я был готов отправиться в путь совершенно обнаженным – на встречу с ветром и морской волной. Тогда я был еще несмышленым мальчишкой, даже не догадываясь, что этот день означает выбранный мною курс. А погоня за счастьем станет призванием всей моей жизни.

Как и у моей аргентинской подруги, мой отец тоже был капитаном. Когда я был совсем маленьким, я говорил об отце: «Мой папа – капитан Великобритании, а у Эвы – Аргентины».

Наши дома соседствовали у подножия Атлантического океана – я и по сей день помню запах соленой воды.

Моя семья держала овец. Я тренировался в арифметике, подсчитывая их не только ночью, чтобы уснуть, но и днем. Компанию мне часто составляла Эва. Думаю, что ее больше забавляли овцы и впечатляло имбирное печенье, которое пекла моя мама пару раз в неделю по просьбам наглой соседки. Я был неким трамплином для достижения ею своих целей. Но все же мне хотелось верить, что какую-то роль Эва отводила и мне в своей жизни, и я не ошибся.

Наши дома смотрели друг на друга, словно близнецы, и были похожи как две капли воды. Если бы не овцы, я бы, наверное, смог их перепутать. После завтрака мы обычно сидели на берегу и смотрели на корабли, приходящие в Порт-Стэнли. Уже с того времени нас объединяло чувство ожидания встречи с человеком, которого сейчас, по прошествии долгих лет, я могу назвать не просто отцом, как и Эва, а своим героем.

Глава 2

Я ждал возвращения отца с моря по полгода, иногда и дольше. Мама кормила меня завтраками, играя со мной в игру под названием «Неопределенность». Но в один прекрасный день я не сдержался и взял календарь. Также в моей руке оказался карандаш, и появилось желание прояснить ситуацию, которая уже длительное время нарушала мой покой. Со всеми этими инструментами, полный решимости, я отправился к маме. Я отметил даты возвращения моего отца на Огненную Землю, пускай и примерные.

И вот этот день настал. Сегодня я его жду. Через пару месяцев должен прибыть и отец Эвы. Моя соседка сидела рядом со мной и что-то бормотала себе под нос. Я не мог разобрать многие слова. Слишком быстро она лепетала, словно журавль в мультике, когда на плеере зажевало кассету. Моя мама часто журила ее на своих уроках английского языка. Эва часто использовала в разговорной речи испанские слова. Английский язык ей сложно давался – так считала мама. Она коверкала слова, предпочитая испанский. Но я понимал ее, а она – меня. И прекрасно знал, что все у нее в порядке с английским и это лишь шалости моей чудной соседки из-за ее взбалмошного характера. Что касается меня и испанского, я учил его, но был полным профаном.

– Знаю я давно!.. Щедрым, плутом – все пустяк! И лучших нет! Здесь равен всяк!¹ – задорно напевала Эва, сидя рядом на камне у подножия бескрайнего Атлантического океана. – Джек, смотри, смотри!

В тот момент я лишь видел указательный палец Эвы у себя перед носом. Она загораживала собой весь обзор.

Взяв меня за руку, она с гордым видом громко произнесла:

– Прибыл капитан Великобритании!

Лучи солнца безуспешно пытались ослепить меня своей красотой, но я не поддавался их чарам. Прищурившись и закрыв солнце рукой, я все-таки смог рассмотреть все величие бригантин отца. Вдалеке я увидел корабль с полным парусным вооружением на всех мачтах. Без ложной скромности могу заявить, что в свои шесть я прекрасно разбирался в морской тематике, особенно в устройстве этого судна.

– Откуда ты можешь знать? Тоже мне знаток. Корабельных дел мастер! – не унималась Эва.

– Там мой отец! Я должен это знать, – негромко ответил я.

Отец был корвет-капитаном, служащим на фрегате «Норд». Человек немногословный, пунктуальный и незаносчивый. Эти качества, безусловно, украшали его, служили примером для меня, являлись поводом для гордости в моей голове, что именно он был моим отцом. Я любил его. Его морское сердце восхищало меня.

Тогда на берегу Эва спросила меня:

– Джек, ты хочешь стать капитаном, как твой папа?

И я, даже не задумываясь, ответил «нет». Ведь ожидание встречи стало мучительным бременем для меня. Но и радость свидания с отцом согревала мое сердце в городе Стэнли посреди бескрайнего холодного океана. Наверное, в мире нет столь терпеливого человека, умеющего так долго ждать.

– Люди ужасно торопятся, Эва. Все время куда-то спешат.

– Джек, ты рассуждаешь как старец. Движение – это жизнь.

– Жизнь, Эва, это мгновение в масштабах Вселенной.

¹ Танго Cambalache – аргентинская песня-танго на жаргонном языке, написанная в 1934 году Энрике Сантосом Дискполо для фильма «Душа аккордеона».

– Вот приплыли. Перекрестись. Тебе только шесть. А ты как мои старые башмаки!

– При чем тут твои старые башмаки? Что за чушь!

– Зануда! Зануда!

Я потрепал ее по волосам и, уставившись на нее, произнес:

– Лучше я стану врачом.

– Врачом? – удивленно переспросила она.

– Пожалуй, да. Врачом.

Эва развела руками в недоумении. А потом мечтательным голосом тихо произнесла:

– Когда я вырасту, я выйду замуж за капитана.

Я опустил ей кепку на нос и с ухмылкой ответил:

– Ну да, да, конечно. Дураков нет. У тебя скверный характер. Даже под дулом пистолета никто не решится на столь опрометчивый шаг. Эва в ответ ущипнула меня за щеку и легонько толкнула в плечо.

– Мне пора! – на бегу прокричал я.

Я бросился со всех ног к дому сообщить радостную весть маме о прибытии отца, оставив позади себя горы, равнины, океан и силуэт Эвы, которая махала мне вслед. Наперегонки с ветром я мчался к человеку, которого я так ждал. К отцу.

Глава 3

И вот я уже стоял на пороге собственного дома. Я так спешил, что даже не заметил, что подарил ветру свою кепку. Так быстро я бежал.

– Мама, мама! Отец здесь! – запыхавшись, выпалил я.

Мама, не оборачиваясь, подошла к окну и еле слышно произнесла:

– Джон...

Я подошел к ней, обнял ее и сказал:

– Не плачь, пожалуйста, мама.

Но она заплакала. В тот момент я смог почувствовать ту боль тоски и ожидания, которая жила внутри нее все это время, от разлуки с моим отцом. Ее слезы катились по моей спине. Мне было холодно и мокро. Я не смел сказать ей об этом, боясь расстроить ее еще больше. Ворчливо проскрипела дверь нашего дома. Обернувшись, я увидел отца, стоявшего на пороге. Мы все замерли, словно кто-то в фильме нажал на кнопку «Стоп». Мое тело немело, руки дрожали, глаза стали стеклянными и полными слез. Именно в тот момент я смог ощутить поистине настоящее счастье от этой встречи. Чувства я бы сравнил с бескрайней вселенной, полной тайн и мечтаний. И пожалуй, в тот момент я бы назвал мою вселенную отчим домом.

Я бросился к отцу на шею и заплакал:

– Как же я ждал тебя, отец! Как долго я тебя ждал!

В тот момент я совсем забыл про хорошие манеры и вытирал нос рукавом. От радости я, как и мама, залил слезами куртку отца.

– Какой же ты большой! – изумленно произнес он.

Как и всегда, от него пахло смолой, табаком и одеколоном, который каждый год дарила ему мама.

Он поставил меня на землю и, наклонившись, стал копошиться в своей дорожной сумке.

Из каждой поездки он привозил подарок. Это были корабли, которые он мастерил сам на судне. Моя коллекция насчитывала пять знатных кораблей, хранившихся на полке в моей комнате.

– Где же? – бормотал он. Он перевернул вверх дном всю сумку, а потом, стоя, стал вытирать пот со лба рукавом и полез в карман за платком. – Вот же он!

В его руке был кулек, завернутый в платок.

Распахнув платок, я увидел в его руке маленький корабль.

– Я назвал его «Виктория» в честь твоей матери. В этот раз мне ее особенно не хватало.

И вот теперь я держал «Викторию» в своей руке. Она была так же изящна, как и улыбка моей мамы. Особенно меня впечатлили паруса карамельного цвета. Стоило мне немного подуть на них, и карамельная пыль, как дым от свечи, испарилась в воздухе.

Родители уже сидели за столом, а я не мог оторвать глаз от корабля, который был размером со спичечный коробок.

– И как же это? Ювелирная работа! – с восторгом произнесся.

– Отец лишь улыбнулся и смущенно ответил, держа маму за руки:

– Чего уж там, Джек! Какой был шторм, Виктория! – с содроганием сказал он. – Я думал, что уже никогда вас не увижу. Бог спас меня! Я умолял!

Я выдержал паузу, а потом спросил:

– Папа, ты можешь рассказать мне? Я выдержу, я не боюсь, я достаточно взрослый.

Он смущенно улыбнулся. У него стали ходить желваки, словно ходунки у нашей соседки Молли Браун. Так она ловко с ними управлялась. Мне даже иногда казалось, что она просто играет, что это бутафория и что Молли просто готовится к поступлению на актерский в Королевский колледж. Но потом я говорил себе:

– Джек, ей почти девяносто, ну или семьдесят.

Днем я мог ей прибавить все двадцать, а вечером сбросить пару-тройку лет. Она была сварливой дамой. Но по отношению ко мне она была благосклонна и испытывала искреннюю симпатию. Мне хотелось в это верить.

– Люди так самонадеянны, Джек! Океан в тот день был как неумное, рассерженное дитя. Только у нас, у людей, нет соски для успокоения его души. Мне уже никогда не забыть это чувство смирения и обреченности. Мы не властны над ним. Люди только гости в зрительном зале. Океан позволяет нам лишь наблюдать за его эмоциями, следить за его настроением, когда он этого сам захочет.

В тот день Атлантический океан был неспокоен. Что-то испортило его настроение, и он решил не сдерживать своих эмоций и начал бушевать.

На борту фрегата было несколько новых моряков, впервые ступивших на палубу.

– Перемещение потоков воздуха в горизонтальном положении, Джек...

– Ветер, папа!

– И чем быстрее эти потоки перемещаются... – продолжал он.

– Тем сильнее ветер!

– Первое, что необходимо брать во внимание, это погрузка судна в порту. И, конечно, быть готовым к возможной встрече с морской стихией, Джек.

– Штурм, папа!

– Идем дальше по порядку.

Нужно уложить груз в трюмах, закрепить его хорошо, надежно, чтобы избежать на всякий случай его перемещения. При погрузке судна нужно оценивать все риски, допустимые для него, чтобы не произошла осадка.

– Непотопляемость!

– Верно! – радостно подтвердил он. – Капитан и его помощники изучают метеосводки в океане. Кстати, сын, существует в море уж очень дрянная штука!

– Морская болезнь.

– Вот наши новички и среагировали на болтанку. Зеленые, как кузнечики, бледные, как моль, покачивались из стороны в сторону.

– Папа, и что же им делать?

– Только работа способна побороть недуг. Спать пойдешь – вариант совершенно бесполезный. Толку никакого. Тяжелая зыбь, Джек. Корабль раскачивается, резко падает атмосферное давление, и...

– Шквал, шторм, двигатель.

– Да, давление растет, волны накрывают судно. Недаром, Джек, в море говорят: «Жизнь морякам портят водка, женщины и механики». Ведь именно механики заранее, за несколько часов, знают, что будет на море. Обычно вахта на морских судах несется четыре через восемь. Четыре часа моряк на вахте, потом восемь часов на заслуженном отдыхе. И, конечно, какой может быть отдых во время шторма?!

В тот день полученный прогноз не сулил нам ничего хорошего. Судя по показаниям барографа, надвигался ураган. Ясное небо обрело свинцовый окрас, тучи сгустились, а Атлантический океан был явно совсем не рад нашему присутствию.

В долю секунды в небе появился просвет, и наш экипаж оказался в самом эпицентре урагана. Волны, словно разъяренные голодные звери, собрались в стаю и бежали друг за другом. Их ярость закипала внутри и вырывалась наружу, оставляя свои следы – раны на судне. Бушевал шторм. Удары молнии преследовали океан, ветер усилился, и просвет на небе превратился в темные громоздкие тучи.

Ветер уже не свистел мне в спину, он кричал. Кричал так громко, что закладывало уши. Мачты ходили ходуном. Я пристегнулся к судовому телеграфу. Бортовая качка была настолько

сильной, что крен достигал восьмидесяти. Водяная мгла. Я никого не мог слышать. Штурм рвал мачты. Анемометр зафиксировал пятьдесят узлов. Скорость ветра по шкале Бофорта равнялась 22,6. Именно такие бури называют...

– Ураганами, отец!

– Три дня бушевал шторм в Атлантическом океане. Три дня мы шли со скоростью два узла, а бывало, и стояли на месте. На второй день корма судна стала погружаться в воду. Вся команда молилась на главный двигатель.

– Выбросы винта из воды!

– Трещины в палубе были настолько глубоки, что до последнего я не верил, что с такими повреждениями судно, ведущее ожесточенный бой с разъяренным океаном, способно выжить. Нас вело. Барометр и изобары уже ничем не могли помочь. А со временем барометр и вовсе вышел из строя. Все морские суда, Джек, отличаются по весу и размерам. То, что страшно для тридцатиметрового буксира, совсем не пугает трехсотметровый танкер. Наше судно шло прямо на волну, длина судна равнялась длине волны. Был риск сломаться напополам. Капитана я не видел и понимал, что должен изменить курс и скорость судна и уменьшить динамические нагрузки. Темно, холодно и, черт возьми, паршиво.

Я полз в сторону к своей цели – изменить направление. Но вдруг судно качнуло, волна накрыла так сильно, что я полетел вниз. Но успел зацепиться за палубу. Я вцепился изо всех сил и держался, повиснув за бортом. Мачта покосилась и рухнула в океан. Судно качнуло еще и еще, и я понимал, что мне крышка. Еще чуть-чуть, и меня сожрет морской дьявол. Я увидел капитана. Он полз по направлению ко мне. В долю секунды судно накрыло волной, и капитан, ударившись головой, потерял сознание и полетел за борт. Я успел схватить его за рукав и поймал за запястье. Я пытался карабкаться, повиснув на одной руке. Рука капитана то и дело выскользывала у меня из рук, но я держался. Джек, в тот момент я лишь просил у Бога дать мне возможность увидеть вас, чтобы я мог вернуться назад, к своей семье.

– И он помог, отец!

– Безусловно, сынок! Чудесным образом вера придала мне сил. Я смог вытащить себя и капитана на палубу. Буря стала стихать. Ветер уже не кричал, а насвистывал свои песни. А я лежал рядом с капитаном и смотрел в небо. «Надо было, Джон, стать пилотом», – с закрытыми глазами еле слышно, шутя, размышлял капитан. «Ты изменил курс и скорость, герой», – пробормотал ему в ответ я. «Все же я не такой уж и никудышный капитан!» – воскликнул он. «И такое бывает», – ответил я. Я закрыл глаза и улыбнулся. Мои руки дрожали. Брызги соленой воды летели прямо в лицо. Да что уж там. Сухим я вышел из воды, так говорят.

И вот буря совсем стихла. Она лишь оставила на прощание, убегая, синее небо и парочку темных облаков, которые еще не успела забрать с собой. Я повернул голову и приподнялся. Тело совсем не слушалось меня. Я увидел океан и поблагодарил его. В тот момент я залез в карман и обнаружил конфету, к слову, из Бельгии, которую вез для тебя. Я развернул ее и бросил заморскую сладость в океан. Он жадно проглотил ее. Как я уже говорил, Джек, у меня не было соски, чтобы успокоить плаксивое морское дитя, но была конфета. А океан – это дитя.

– Отец, а если бы ты дал конфету океану раньше, шторма, может быть, и не было вовсе?

– Джек, он все равно пришел бы за добавкой, но чуть позже: так устроена жизнь. Что должно произойти, обязательно случится.

– Хм... интересно! – задумчиво ответил я.

Глава 4

Только я начал размышлять о том, что сказал мой отец, как вдруг, словно ураган, как в мою жизнь, так теперь и в дверь ворвалась моя рыжеволосая соседка Эва.

Запыхавшись, оторопев, рыжая и лохматая, затормозила на своих двоих посередине комнаты:

– Ой. Здравсте! Я не помешала? На улице прохладно. Одевайтесь теплее.

Мы трое уставились на нее. Потеряв дар речи от такой наглости, я лишь смог произнести:

– Да-да, уже идем. Эва, ты, как всегда, в своем репертуаре, без тормозов.

– Ну почему же? Я успела затормозить.

– Эва, ты неисправима. Ты как танк. Напролом прешь.

– Мама улыбнулась и, подойдя к Эве, сказала:

– Слушаюсь, наш местный Робин Гуд. Собираемся.

Отец подошел к Эве, опустился на корточки, положил свои большие руки на ее хрупкие детские плечи и негромко сказал:

– Привет, девчонка. Я тебе рад. Присматривай, пока меня нет, за нашим парнишкой. Он без тебя пропадет. А ты вон какая боевая, подруга!

Эва улыбнулась и без всякого смущения ответила:

– Так точно, сэр! Совершенно согласна. Без меня данный объект пропадет. Сгинет и канет в Лету. Слово корабль, пойдет ко дну.

Я был необычайно возмущен речами моей соседки и дерзко выпалил:

– Отец! Она как вихрь ворвалась в дом и права качает. Я уже взрослый. Вот ей нужен помощник, а я сам справлюсь!

Она лишь посмотрела на меня своими удивленными глазенками и развела руками.

Отец окинул нас отцовским родительским взглядом и сказал:

– Нам пора, дети. Литургия скоро начнется. Нельзя опаздывать.

В ответ мы оба послушно кивнули и, как в строю, стали разворачиваться по направлению к выходу.

Не знаю как Эва, но в этот момент я ощутил себя абсолютно несмышленным ребенком. Я испытал чувство спокойствия и умиротворения, но чего мне действительно недоставало все это время, так это воспитания отца. Его мудрости и, пожалуй, выдержки по отношению ко всему вокруг. Сейчас я рад и счастлив. Ведь я его ученик, а он мой учитель. Лучшего и желать нельзя.

– Эй, Джек, бежим, опоздаем! – Эва схватила меня за руку, а я и не смел сопротивляться.

– Железная рука у тебя, Эва! – произнес на бегу я.

– По сторонам смотри, просвещайся, неуч.

Вдали показались католическая церковь и силуэты людей. Когда мы были совсем близко, Эва резко остановилась и спросила меня:

– Значит, врачом?!

– Именно! – с уверенностью ответил я.

Она неодобрительно посмотрела на меня, а потом сказала:

– Ладно, пошли. Не я, а ты в своем репертуаре, Джек. Предлагаю спор. Если не станешь врачом, будешь должен.

– И что твоей душеньке угодно? Скорее ты будешь мне должна.

– Везешь меня смотреть Аконкагуа.

– Ты ненормальная. Его еще называют Каменным стражем. Он же в Аргентине, я прав?

– Ага. Вулкан там. С воздуха хочу. На вертолете полетим.

– Эва! Кажется, ты совсем улетела.

- Уговор есть уговор. Согласен?
- Так, а с тебя что?
- С меня испанский язык. Я же должна подготовить тебя к поездке.
- Эва, ты всегда все делаешь в свою пользу. Вот-вот.

Чувство несправедливости потихоньку наполняло меня, но я решил взять себя в руки. Как говорил отец, женщинам надо уступать: пусть чувствуют себя умнее и сообразительнее. А ты наблюдай. Это же несусветная глупость, думал я тогда. Как же уступать глупости! А сейчас я понимаю, о чем он говорил. Речь шла о принятии правил игры. Если я буду знать замысел женщины, я уже победитель. Им так спокойнее, и тебе тогда тоже.

- Я решил последовать его совету и выдохнул:
- Бог с тобой, Эва. По рукам.
- Мы пожали друг другу руки и одновременно произнесли:
- Не подведи!

Зайдя в католический собор, я обмакнул руку в святую воду в выпуклом стакане из мрамора, расположенном на стене, и осенил себя крестным знаменем. Я сел на кафизму, закрыл глаза и вдруг почувствовал, что кто-то треплет меня по макушке. Это явно была не мама, ведь в этот раз прикосновение было достаточно дерзким и грубым. Я вернулся, но никого не увидел.

– Эва Торрес! Вылезай. Я знаю, что это ты. Твои железные руки хотели мне явно навредить.

- Ну не-е-ет! Джек Нельсон! Нужен ты мне больно. Что приперся?
- Сама вежливость, Эва.

Она толкнула меня в плечо и сказала:

- Подвинься, увалень.
- Эва, ты как вредный мужик.
- А ты как неженка! – парировала она.

На улице с пастором Стэнли разговаривал какой-то тип. Седой мужчина с большими ушами, в шляпе и большим саквояжем.

- Я раньше его тут не видела.
- Эва, ты никогда никого не замечаешь. Меня хоть помнишь? Кто я?
- Да нет, правда. Я его не помню.
- Эва, у тебя память ни к черту. Ты вон вчера портфель забыла. В школу она отправилась.

А тут человека помнить. Такой мозговой труд!

- Ну да, забыла. С кем не бывает.

– Эва, ни с кем. Ты войдешь в анналы истории. И написала ты в диктанте недавно «не законно рожденный» отдельно, а не слитно.

- Ну давай, все грехи мне припомни. Тоже мне, друг называется.
- Ладно, не дуйся. Рассказывай.

Я повернул голову и увидел перед собой большие карие глаза, рыжие выющиеся волосы. И да, еще и веснушки. Я уставился на Эву, свою соседку, которая удивительным образом вызывала во мне смешанные чувства. Я недоумевал. Как там говорят, от любви до ненависти... Именно в тот самый момент она казалась мне исчадием ада, сидящим рядом в католической церкви. Вот же парадокс.

- Что уставился? – Эва, выпучив глаза, передразнила меня.
- Да просто откуда ты взялась, свалилась на мою голову? Ну ты расскажешь или как?
- Нужна мне твоя голова. Ладно, ладно. Я случайно услышала, как он...

– Подслушивала, значит. Эва, Эва, – пробормотал с ухмылкой я. Я шутливо погрозил ей указательным пальцем.

- Хватит. Иначе не буду рассказывать.
- Ладно, ладно. Валяй.

Она жестом показала, что надо держать рот на замке, и продолжила:

– Значит, вот мужик этот спрашивал у Стэнли, как принять католическую веру и что для этого нужно. Стэнли ему и ответил, что это очень серьезно. Это решение, которое требует немало времени и размышлений.

– Короче, Эва. Не разглаговльствуй! – возмутился я.

– Ладно, ладно. Короче, если мужик этот готов сделать шаг в сторону старейших христианских церквей планеты...

– Эва, ты плавильшь мои мозги!

– Джек, Стэнли пригласил его посетить мессу, сказал, что обучение длится литургический год, а потом ему выдадут «крестного отца»!

– Эва, ему никто ничего не выдаст. Его назначат после обряда. Это очень серьезно.

– Спасибо, сэр. Будто этой информации я и без вас не знала.

– Апчхи! – громко чихнула Эва.

– Будь здорова! Ты еще и чахоточная, – засмеялся я.

– Спасибо, Джек. Сейчас как чихну на тебя. Уже чихнуть нельзя. Притесняют.

– Да можно. Но не увлекайся!

– Джек, а ты знал, что орган – изобретение Запада?

– Так, Эва, ты ошибаешься. На самом деле орган изобрели в Византии, потом византийский император подарил орган папе.

– Джек, какой первый музыкальный инструмент, изобретенный людьми?

Я задумался. Ответа на этот вопрос я не знал. Гадать я не стал.

– Сдаюсь, – ответил я.

– Голос неуч. А еще, – продолжала Эва, – Стэнли рассказал ему про Виа Долороза.

– Крестный путь, – негромко ответил я.

– Именно, сын мой, – сказал приглушенно мужской голос.

– Обернувшись, мы увидели пресвитера Стэнли.

– Я расскажу вам. До литургии немного времени. Пройдемте со мной. Дети, почти в каждом католическом соборе есть набор из четырнадцати икон, которые располагаются вдоль стен Виа Долороза.

– Мы подошли к иконе «Христос на суде у Пилата».

– Правильно, Джек, – согласился пресвитер Стэнли. – «Иисус Христос перед Пилатом».

Мы шли за ним, а пресвитер называл нам каждую икону: «Бичевание», «Несение креста», «Плач Девы Марии», «Мадонна», «Падение Христа».

– Дети! – пресвитер Стэнли кивнул на генуфлекторий. – Начинается литургия, – серьезным голосом сказал он.

– Видишь вон ту узкую приступку внизу для колен? – шептала мне на ухо Эва.

– Вижу, конечно, – ответил я.

– Когда я была маленькой, думала, что это подставка для ног.

– Я закрыл лицо руками, а потом произнес:

– Боже, Эва!

И вот началась литургия. Я увидел пресвитера Стэнли. В руках у него был листок.

– Благословенные братья и сестры! Бог сотворил и искупил нас! Богородица – наша спасительница. Мария является нашей матерью. Она о каждом из нас заботится. Нам надо признать Иисуса Христа, ее сына, Господом нашим. Наша родина на небесах. Все мы находимся в пути. Это не наш окончательный дом. Нам следует это понять. Помолимся же о погибших в море. Уильям Адаме, Уинкотт Грин, Эдвард Эгертон, Майкл Джеффри, Харви Клод.

Пресвитер Стэнли называл фамилии, и с каждой произнесенной я все четче понимал, что это была команда отца, его друзья. Все они погибли.

Я обратился к Эве и растерянно выкрикнул:

– Как же это... отец не сказал!

– Тише ты, Джек!

Я опустил голову вниз. Впереди сидел отец. Скупая слеза пробежала по его щеке. А потом и по моей. У обоих по правой.

– Вот смотрю я на вас, и душа моя радуется! Полный храм сегодня. Много людей пришло, молитесь. А чем это воскресенье отличается от прошлого или будет отличаться от следующего? В нем есть что-то особенное? В собор мы приходим, чтобы причаститься, помолиться. Я понимаю, что всегда есть сомнения, идти ли в церковь или нет. Не всегда понятно, для чего и зачем сюда приходите. Все, что сделал Господь, должны мы преобразить в земной жизни. Иисус и человек, и Бог. Пусть каждый из нас преобразится! Бог дает нам еще один, новый шанс. Бог нас прощает. Бог знает нас. И знает лучше нас, чем мы сами знаем себя. Мы знаем, что познать означает любить. В своем милосердии Господь сотворил нас. Мы отражение его любви!

Я слышал обрывки фраз. Я не мог поверить, что шторм был так жесток и безжалостен к людям.

– Нового и Ветхого Заветов... И благодарим тебя. Аминь! Слава в небесах Богу, а на земле – мир, всем людям – доброй воли! Идите, месса окончена.

Я поднял голову, и в это самое мгновение зазвучал орган. Я считал его королем музыки. Волшебная органная музыка наполнила католический собор. Божественное, хрупкое, полное искренности, забилося сердце Святой Марии на Фолклендских островах посреди Атлантического океана.

А я как замороженный не мог ни о чем думать. Тогда я почувствовал, что музыка наполнила и мое сердце. Ведь именно в детском возрасте ты действительно можешь быть удивлен и восхищен происходящим. Это был момент, который произвел на меня значительное впечатление.

Эва стала копаться в кармане и вернула меня в реальность, нарушив мой музыкальный полет своим шурумшанием. В кармане ее желтого сарафана чего только не было. И леденцы, и ключи, и ручка, и булавки, и какие-то пуговицы.

– Не смотри так. Это все нужное.

– Кому? Только тебе этот хлам и пригодится.

– Вот, наконец нашла. – Она вынула из кармана свой зеленый в крапинку дневник. В нем она записывала свои мысли и стихи. – Вот посмотри. Я вчера ходила к морю и увидела падающую звезду. И начирикала тут немного. А ты когда-нибудь видел, как звезда падает в море?

– Нет. Наверное, это красиво. Дай почитать. Может, что-то путное.

– И вот я держал в руках потертый, но в то же время детский, наполненный решимостью и уверенный в себе старинный дневник Эвы Торрес. Пролистав страницы пудрового цвета, я понял, что это оно. «Аргентинка!» – подумал я. Мелькали слова и на испанском в ее прозе. Я решил ничего не говорить. Она испуганно смотрела на меня. И я почувствовал, что для нее было непросто поделиться со мной написанным ею. Поэтому я молчал.

«Звезда (estrella) холодная (frio), как айсберг, цвета серебра, падая в море, гаснет... Миллионы осколков разлетаются по небу, и тысячи глаз в надежде поймать себе в карман счастье задувают свечи... А она (ella), наполненная людскими мечтами и желаниями, хранит их у себя в сердце, спрятанном в глубинах темного, цвета большого кита моря...»

В эту самую секунду на другом конце Земли кто-то задул свечу, и маленькая звездочка, словно шаровая молния, прыгнула с неба, чтобы исполнить самое заветное желание следящего за ней человека...

Сейчас, стоя на берегу Атлантического океана, я вспомнил строки из ее дневника. Я лишь сказал ей тогда:

– Не верю, что это ты написала, Эва.

– Конечно же я. Я же гениальна!

Глава 5

Только теперь я стоял не с моей соседкой, а с моим отцом. Мы смотрели вместе вдаль, не произнося ни единого слова. Небо цвета сажи разбросало жемчуг, а океан, как никогда, был удивительно спокоен. И внезапно вдали я увидел явление, которое Эва описала в своем дневнике.

– Отец, ты видел?! Смотри, смотри! Падающая звезда. Только сегодня Эва рассказывала мне о ней.

Звезда упала в океан, осветив морское дно, и погасла.

– Успел загадать желание, Джек? – спокойным голосом спросил меня отец.

– Успел. Хочешь, расскажу? – взволнованно спросил я.

– Конечно. Я весь внимание. Слушаю тебя.

– Помнишь, ты подарил мне пластинку Освальда Цеппелина?

– Да, было такое.

– Я загадал, когда вырасту, поехать в Лондон и прийти в театр Ковент-Гарден к нему на выступление.

– Лондонская Королевская опера, Джек.

– Да, отец. Я хочу соприкоснуться с его музыкой. Он выдающийся композитор. Слушаю с замиранием сердца всегда.

Отец опустил на корточки, обнял меня и сказал:

– Пусть твоя мечта обязательно сбудется, сынок.

Я обнял его в ответ. В тот момент я почувствовал несказанную радость, его искренность и веру в меня, а потом я спросил у него:

– А ты что загадал?

Он посмотрел вдаль и сказал:

– У меня все проще, сын. Мирное небо над головой и спокойное море. Пожалуй, это все, чего бы я желал.

– Пусть и твоя мечта обязательно сбудется, отец.

Тогда я был ребенком, далеким от реальности мальчишкой, живущим на Огненной Земле посередине Атлантического океана. А детям свойственно мечтать, и взрослые рассуждения для них слишком сложны.

Я его крепко обнял тогда и не отпускал. В тот момент я не придавал большого значения его словам, которым так и не суждено было сбыться...

Глава 6

– Джек, не отставай. Нас с тобой ждут! – задорным голосом, обернувшись, окликнул меня отец.

– Я сейчас. Иду! – взволнованным голосом ответил я.

– Ты что там копаешься? – издали доносился суровый голос отца.

– Я занят очень важным делом! Иди посмотри, кого я нашел! Придешь?! – в ответ прокричал я.

Я не услышал ответа, зато впереди я увидел силуэт отца, который направлялся по проселочной дорожке, с невозмутимым лицом, к моей персоне.

– И чем же таким важным ты занят, сын? – улыбаясь, спросил меня отец.

– Ты что, не видишь? Как ты мог его не заметить! Мимо прошел! А если бы меня не было?! Кто бы ему помог?

– Да, Джек, ты прав. Люди настолько погружены в бытовые проблемы и неурядицы, что не замечают ничего вокруг, – с грустью рассуждал отец. Он достал из кармана перочинный складной нож, подаренный дедушкой ему на прошлое Рождество, опустил на корточки и сказал: – А теперь смотри. Чтобы не повредить птицу, возьми ее аккуратно, а я разрежу сети.

Мои руки немного дрожали. Я боялся повредить ее. Маленькая, золотистого окраса, с коричневым воротником, билась за свое существование и пыталась выбраться из рыболовецких тугих сетей.

– Держишь? Двумя руками возьми, Джек, – твердым голосом произнес отец.

– Да-да. Давай. Режь уже! Ему тут плохо. Надо освободить его.

– Отец разрезал рыболовные сети и с воодушевлением произнес:

– Отпускаем! Лети, друг!

Я не успел разжать руки, как маленький звук выпорхнул ввысь. Темное небо спрятало нашего пернатого друга от посторонних глаз, а он на прощание поблагодарил нас милым щебетанием.

– Ты молодец, Джек, – обняв меня, сказал отец.

– Эве расскажу, что у меня зоркий глаз, – пробормотал я.

– В этот момент папа хлопнул меня по плечу и сказал:

– Смотри не загордись. Добрые дела похвалы не просят.

– Да понял я, – пробурчал я.

– Джек, нам надо торопиться. Нас с тобой уже ждут. Сказали, что придем, – значит, должны обязательно явиться. Уговор есть уговор, сын. Мужчина должен держать свое слово, – серьезным голосом говорил отец.

– Отец, а тогда почему Эва может опоздать или перенести уговор?! – возмутился я.

– Она девочка. У них там свои причины. Настроение, тучи сгустились, дождь пошел.

– Это как же! У них есть послабление, а мы что, хуже, что ли? Несправедливо совсем!

– Джек, когда мы с твоей мамой познакомились, она обронила помаду на остановке и так расстроилась, что мне пришлось вести ее домой за другой. Заграничная была какая-то. Другой ей не надо! Так мне было сказано и велено вести ее домой. А это был не ближний свет, – шутливо рассказывал отец.

– А без нее совсем никак, отец?! Зачем она вообще нужна? Совершенно бесполезная вещь! Вот у Эвы нет помады. Да если даже и была бы, я бы никуда ее не повез. Пусть сама идет, а я пойду лучше...

Отец остановился и сказал:

– Благодаря этой злосчастной помаде я стал героем для твоей матери. Подрастешь – поймешь! – рассмеялся отец.

Глава 7

А вот и Порт-Стэнли. Шхуны ждали своего часа к отплытию, а я ждал с нетерпением, когда мы с отцом ступим на палубу «Грейт Британ».

– Джек, расскажи мне немного историю города.

– Отец, ты же знаешь. Зачем спрашиваешь?

– Повторение – мать учения. Чему нынче в школе учат?

Я глубоко вздохнул и почувствовал себя у доски в школе на уроке истории с мисс Кэролин, достаточно дотошной, сварливой и пожилой дамой, любящей фиолетовый цвет в одежде. Как-то один из старшеклассников на День подарков преподнес ей зеленый шарф, цвета молодого кузнечика. Она ему этот шарф вернула и сказала: «Благодарю тебя, но зеленый мне не к лицу». А он у нее спросил: «А какой надо было?»

– Отец, если все фиолетовое?! Вот смотри.

– Ты не отвлекайся от темы, – перебил меня отец, – рассказывай.

– Эх, – с грустью вздохнул я.

– А я потом тебе расскажу о «Грейт Британ». Есть что рассказать. Знаменитость!

– Ну, если так, тогда ладно. Хоть оценки мне ставить не будешь.

– А что у тебя по истории, сынок? – обратился ко мне отец.

– Врать я не умел и на отличника круглого был не похож. Сказал как есть.

– Еще на плаву, Джек? – засмеялся отец.

– Естественно. Человечество еще будет во мне нуждаться, – уверенно ответил я.

– Ну и замечательно. Стэнли на Фолклендах. Слушаю внимательно.

– Отец, смотри, – начал я.

– Слушаю, сынок, – смеясь, сказал отец.

– Был лорд Стэнли. Вот в его честь и назвали город.

– Джек, какие познания! А я-то надеялся узнать побольше, – шутливо говорил отец.

– Отец, приходи к нам в школу, мисс Кэролин тебе все подробно расскажет. Она знатный рассказчик.

– А сам?! Вот жук! – щекотав меня, смеялся отец. – Вот мы и пришли, Джек. Теперь моя очередь рассказывать, теперь мисс Кэролин буду я, – начал он свой рассказ. – Ты только посмотри, Джек, какая красавица! – восхищался отец. – Если ты когда-нибудь решишь связать свою жизнь с морем, начало твоего пути абсолютно безусловно, – с дрожью в голосе говорил отец.

– Ну-у-у нет! Я лучше на врача! – воскликнул я.

– Ну ладно. Это твой выбор. Время на размышления у тебя есть. Я тебя не тороплю, – похлопав меня по плечу, продолжал он.

Я посмотрел на отца и, осознав его чувства в тот момент, понял, что его выбор в жизни был абсолютно правильным. Я бы пожелал каждому испытать такое чувство удовлетворенности от любимого дела. Он жил морем. Пусть и не всегда у них между собой было взаимопонимание, обоих штормило, но все же они всегда могли договориться. Отец подкармливал его конфетами, а море в свою очередь запрыгивало в свой большой сундук грозовые облака, молнии и свои другие атрибуты гнева. Оно было его стихией. Море – его компас, его воздух, его семья и, конечно же, его настоящая, искренняя и взаимная любовь.

Глава 8

Отец смотрел вдаль и ничего не говорил. В этот момент любопытство внутри меня пыталось выпытать все морские секреты, о которых молчал мой отец. Я не выдержал и спросил:

– Отец, ты за мной повторяешь? Не помнишь ничего, как я по истории. Давай уже рассказывай!

Он посмотрел на меня и, улыбнувшись, продолжил:

– Посмотри, Джек. Знаешь, в чем ее уникальность? – Отец выдержал паузу, а потом продолжил: – Прямо перед тобой первое пассажирское судно, оснащенное гребным винтом. Сейчас расскажу тебе, с чем это едят. Есть гребной винт, Джек. Как ты думаешь, для чего он нужен?

– Для того чтобы корабль поплыл.

– Правильно, сын. Гребной винт создает упорное давление, необходимое для движения судна. Гребной винт вращается, лопасти захватывают массу воды...

– И что потом? – перебил я.

– А потом полный вперед, Джек! – засмеялся он. – Самое большое судно: длина – девяносто восемь метров, водоизмещение – три тысячи четыреста тонн.

– Ухты! Какой здоровый! – восторгался я.

Отец рассказывал мне о ней, но я никогда не мог представить, что «Грейт Британ» была настолько масштабна. Она напомнила мне «Титаник», только непотопляемый. Она же стояла передо мной. Хотя про «Титаник» тоже так говорили. Я зажмурил глаза, а потом их резко открыл. «Он точно не утонет», – подумал я.

– Отец, а как мы поплывем на нем сегодня? Где его мачты? Они сломаны. «Грейт Британ» весь поврежден. Даже золотой лев на носу без лапы одной! – в негодовании я обратился к отцу.

– Джек, волей судьбы «Грейт Британ» попал в страшный шторм, потерял часть мачт и был выброшен на камни у Фолклендских островов. Мой дед был на нем парусным мастером. Твой прадед, Джек. Вот и я тоже побывал на нем и чуть не погиб.

– Отец, я только теперь понял. Не зря Эва говорила, что я не дружу с логикой, памяти у меня нет, да и вообще я мыслю, как улитка. Пап, а почему как улитка? Они вовсе не так глупы! Ох уж эта Эва. Запутала меня совсем.

Отец погладил меня по голове и сказал.

– Нашу шхуну не пропустили в порту из-за неисправности двигателя. Набирали команду на «Грейт Британ» – вот я и подписался на борт, как и многие мои товарищи по морскому делу. Капитану нужен был помощник, и я вроде сгодился.

– Вечная им память!

Отец отвернулся, и я услышал еле слышные всхлипы. Я обнял его. Буквально через короткое время он взял себя в руки и с дрожью в голосе продолжил свой рассказ:

– Жалко ребят. Море беспощадно и безжалостно, Джек. Если вдруг решишься, тысячу раз подумай. Связать с ним свою жизнь – это своего рода клятва. А клятву, Джек...

– Невозможно нарушить, отец! – ответил я.

Отец обнял меня и продолжил:

– «Грейт Британ» прибыла сюда на стоянку. Она пока будет здесь у нас томиться как плавучий склад – блокшив² для хранения угля. На нем мы в плавание отправиться не сможем, но я смогу тебе его показать и познакомить с командой. Если бы мы с тобой покинули род-

² Блókшив, или блókшип, – обычно старое несамоходное судно, оставленное у берега или в гавани и используемое в качестве плавучего склада, жилья или для размещения различных служб. В качестве блокшива могут использоваться корабли самых разных классов, за исключением только самых малых судов.

ные берега, твоя прекрасная мама сошла бы с ума от такой новости. Ты же знаешь, она у нас ранимая. Предлагаю пройти на борт. Только отец договорил, как прямо за спиной я услышал грубый хриплый голос и почувствовал запах табака и рыбы.

– Хой, Джон! Рад тебе, старина! Живой! – крепким рукопожатием приветствовал отца высокий молодой плотный мужчина с бородой и курчавыми рыжими волосами и весь в саже.

– Харви, друг мой!

– Джон, я же его видел, когда Виктория была беременна. Вот, значит, какой ты, Джек!

Харви наклонился ко мне и протянул мне здоровенную руку. Она была в саже, но это совершенно нас не смутило, и я протянул ему свою в ответ.

– Здравствуй, Джек, добро пожаловать! – Он потрепал меня по волосам и сказал: – Да, Джон, будто вчера было. Гляди-ка, Джек, как папа твой набедакурил. Мачты поломал. – Харви засмеялся, а потом сказал: – Ну ладно. Идем за мной, молодежь.

Отец тоже потрепал меня по волосам и негромко произнес:

– Пойдем, сынок. Подрастешь – отправимся на ней в плавание. Ну, конечно, если мама отпустит.

– Отпустит, отец. Я уже большой.

Мы ждали Харви, пока он поднимется. Он хромал на левую ногу. Я видел, что ему было тяжело. Он будто прочитал мои мысли и, обернувшись, сказал:

– Джек, надо меньше... При детях нельзя... Джон, как там говорят... трапезничать... А я мужик простой, не люблю эти словечки аристократические, брюхо набивать... Я же простой кочегар.

Я схватил за рукав отца и прошептал:

– А почему он хромает? И почему у него нет трех передних зубов? Пока он смеялся, я сосчитал. Он же не старый.

Отец показал указательным пальцем на рот и шепотом произнес:

– Потом расскажу. Может, у него и других нет, просто сейчас темно. Поднимайся, любопытный мой.

Глава 9

– Джон! Явился наконец! На ласточке нашей мало кто остался! – раздался мужской томный голос.

На палубе нас встречал пожилой и с иголки одетый капитан Рой. Как и положено было капитану, с трубкой и чаем в руке. Он насупился и обратился к отцу:

– Пришел тебя повидать. Когда теперь свидимся. В Бристоль завтра на восходе, Джон.

– Я тебе рад, – обратился к нему отец и протянул руку.

– Хотелось бы еще и Мануэля повидать. Он уже забыл, Джон, что есть земля, его земля – это «Генерал Бельграно».

Я посмотрел на отца и спросил:

– У Эвы отец же на «Генерале Бельграно», вы про него говорите? Она давно его ждет.

– Да, Джек, мы про него говорим. Всему свое время.

Отец не успел ничего ответить, как его сзади в охапку схватили мощные руки Томаса Марла и отец оказался в дружеских объятиях старого товарища.

– Джон, дружище! Как же я рад тебя видеть. И вас, юнга!

– Томас, какими судьбами здесь? – удивился отец.

– Я прибыл с товарищами проститься, Джон. Не мог я иначе.

– Отец обнял его и постучал по спине.

И вот я оказался в эпицентре морских волков. Я смотрел на них снизу вверх, слушая каждое слово, вдыхая запах рыбы, одеколona отца и табака Роя. Всех их объединяло, пожалуй, одно качество. Они были совершенно бесстрашны. Их мужество и благородство восхищали меня. Каждый из них был полон надежд и мечтаний. Мне было шесть, и я не был настолько романтичен. Они радовались мелочам, их восхищало море, которое они видели каждый день. Я не мог понять, как же можно видеть одно и то же каждый день, и каждый раз по-новому.

– Океан всегда разный. Он наш друг. А разве с другом может быть скучно, а, Джек? – наклонившись, обратился ко мне капитан Рой.

– Сын, тебе с Эвой бывает скучно? – улыбаясь, спросил у меня отец.

– Конечно же нет. Она же не в себе немного. Как сказать, сумасшедшая чуть-чуть. Ее мысли частенько пугают меня. Там в голове полный бардак, такой же, как и в моей комнате. Мне почему-то кажется, что я никогда его не смогу разобрать. Так и у Эвы... Она не перестает меня удивлять. Ее аргентинское упорство и твердолобость уже изрядно вымотали меня.

Все стоящие засмеялись и почти в один голос ответили:

– Зато не скучно! Эва, Эва!

Глава 10

Я огляделся вокруг и был поражен. Даже сломанные мачты, пробоины и ранения «Грейт Британ» не смогли омрачить мое впечатление о ней. Ее грация и стать были для меня великолепны.

В этот момент я почувствовал, что кто-то сзади положил мне руки на плечи.

– Да, Джек, «Грейт Британ» во всей своей красе. Живая. Пусть и без мачт, но живая. И твой отец жив и здоров. И я жив, сынок, только благодаря ему. Бог помог нам.

Это был капитан Рой. В его голосе я услышал отраду за отца. Он говорил спокойно и неторопливо. Запах табака врезался мне в нос, и я начинал чихать. Капитан не сразу понял, что дело было в его трубке из слоновой кости и едком дыме из нее, щекочущем мне нос, а сделал вывод, что раз я чихаю, значит, правдивы были его слова, добавив:

– О, видишь. Правду говорю. Примета такая, Джек. «Грейт Британ» – легенда. Я позволю себе тебе рассказать немного о ласточке. Создал эту красоту Изамбард Кингдом Брюнель. Джек, он был яркой фигурой в истории промышленной революции. Выдающийся инженер был. Большая западная железная дорога – его рук дело, он построил мост через Темзу, а еще Джек, каков умелец, ты только глянь, выстроил Хангерфордский висячий мост в Лондоне. Я с замиранием сердца слушал Роя. Он вышагивал важным павлином по палубе и с гордым видом плавно дирижировал руками, рассказывая мне все, что знал об истории создания «Грейт Британ». Когда его захлестывали эмоции, его голос дрожал, и он что-то повторял по несколько раз. В основном это были имена корабля и Брюнеля. Потом он теребил в руках свою трубку, и я оказывался в клубах терпкого дыма, продолжающего щекотать мой нос и глаза. Нос протирался, и я чихал. Так он выражал протест, а глаза ненароком пускали слезы.

Я чувствовал гордость Роя, и я так ждал, когда отец возьмет меня с собой. И вот я здесь. Пусть и не на его шхуне. Это даже лучше, ведь «Грейт Британ» починят, и он уплывет, а шхуна отца будет часто бывать в Порт-Стэнли.

Капитан Рой почесал затылок, остановился, задумался и продолжил:

– А еще, Джек, сам принц Альберт прибыл на верфь большого западного парохода. Но каково было его удивление, когда он обнаружил, что корабль был уже спущен на воду. Отвечал принц прохладительных напитков и приступил к осмотру. Мы с тобой тоже скоро осмотрим корабль, как принц Альберт, я тебе даже лимонад найду. – Рой улыбнулся, насупился и продолжил: – Пойдем, сынок, прогуляемся. Кормовая часть корабля на верхней пассажирской палубе, кормовой главный салон, Джек. Длиннющий: сто десять футов... А ну, Джек, сколько это метров?

Я не знал ответа на этот вопрос и, решив, что вдруг смогу угадать, ляпнул:

– Шестьдесят, нет, пятьдесят, а может, все сто.

– Эх ты, математик. Не угадал. Тридцать четыре метра.

– А ширина, Джек? Подсказка тебе: сорок восемь футов.

– Ну тут не сложно. Двадцать.

– Вот откуда ты берешь цифру? – усмехнулся Рой.

– Я решил округлить, – ответил я.

– А что там округлять? – засмеялся Рой. – Вот жулик. Пятнадцать метров.

– А это что, Рой? – поинтересовался я.

– Видишь, машинное отделение, а это, Джек, исключительно для женщин создано.

– Комнатки какие-то непонятные.

Я дернул за позолоченные ручки, но они были закрыты.

– Нам туда нельзя, Джек: это только для дам. Эти диковинки называют будуарами. – Рой величественно произнес это слово и повторил: – Диковинки какие. В противоположном конце, видишь, кормовые окна, а вот там железные лестницы. Пойдем поднимемся.

– Какие широкие! Красивые! – рассматривая, сказал я Рою, который шел впереди.

– Эти лестницы ведут на главную палубу, с обоих концов салона вверху и в столовую внизу. Даже спрашивать не буду, куда пойдем.

– В столовую, конечно, – без единой доли сомнения в голосе ответил я.

– Естественно. Я так и думал, – улыбаясь, ответил капитан.

– Ну вот, прошу вас, принц Джек. Что-то удалось сохранить после шторма. Колонны не пострадали.

Рой не торопясь, медленно распахнул резную лакированную дверь из красного дерева, и я оказался пусть и в потрепанном штормом, но все же прекрасном обеденном зале с дубовыми круглыми столами и стульями из красного бархата.

– Впечатляет, Джек? – с гордостью за «Грейт Британ» обратился ко мне Рой.

– Вы еще спрашиваете? Еще бы! Красотища же! – в восхищении ответил я.

– «Ласточка» может накормить здесь до трехсот шестидесяти человек за один присест.

– А вдруг их будет триста шестьдесят один. Одного не накормят? – обратился я к Рою.

– Всех накормит, голодным никто не уйдет, не переживай! – засмеялся Рой. – Видишь, с каждой стороны салона семь коридоров, передний конец салона соединяется с камбузом стюардов, а в противоположном конце стоят красные диваны.

Я не мог сделать шаг: такая красота предстала передо мной. Я выдохнул и сказал еле слышно:

– Мне это снится. – Я закрыл лицо ладонями, а потом громко произнес: – «Грейт Британ», я тебя никогда не забуду.

Мой взор устремился на громогласные, цвета золота колонны, которые расположились вдоль стен изумрудного цвета, а позолоченные арки и оставшиеся части массивных зеркал создавали иллюзию простора внутри.

– И сколько их здесь, колонн, Рой? – поинтересовался я.

– Двадцать четыре колонны. Подойди ближе, посмотри, какие птицы, как раскрашены, какие птицы!

– Рой, смотри, звук. Мы сегодня его с отцом спасли, из сетей вытащили.

Рой погладил меня по голове и сказал:

– Это, Джек, галстучник, но из рода зуйков. Тут ты прав. – Рой кивнул, указывая на графин, стоящий на маленьком трехногом столике, который держался за счет странных конструкций из макулатуры по соседству: – А вот твой лимонад. Прошу!

В руках у Роя я увидел изысканный графин синего цвета и миниатюрный бокал. Он не стал ставить его на стол, а решил налить лимонад на весу.

Я медленно выпил лимонад Роя и понял, что я не понял, что я выпил, так я был взволнован.

– Яблочный, Джек. На здоровье.

Не успел я поблагодарить Роя, как послышались знакомые голоса у двери.

– А вот и мы! – Это был голос Томаса.

– Я был рад видеть отца, Томаса и Харви.

– Как тут мой путешественник, не утомил капитана своими вопросами? – поинтересовался отец.

Не успел ответить, а лишь только открыл рот, как меня опередил капитан:

– Ну нет. Молодец парень. Любознательный.

– Как там они называются? Ари, ави, пивастры! – обратился Харви к Рою.

Стоящие внутри стали заливаться смехом. Рой не стал исключением. Утирая слезы от смеха, он ответил, сдерживая хохот:

– Арабесковый пилястр, Харви!

– Отец, а что есть на «Грейт Британ»?

– Два передних салона, Джек, как и кормовых. В прогулочном не помню сколько спальных мест.

– Тридцать шесть, Джон, на нижней – тридцать.

– Три палубы, – подхватил эстафету Томас, – две верхние – для пассажиров, нижние – для грузов.

– Там пассажирские две разделены на два отсека: носовой и кормовой, – перебил Томаса Харви.

– Харви, разделенные двигателями и котлами в миделе³, – добавил Томас.

– Такой машине и акулы не страшны! – воскликнул я, а потом спросил: – Отец, ведь когда ты на корабле, на любом, акула же не может напасть? Прогрызть корабль? – интересовался я.

– Отец засмеялся и ответил:

– Только если она будет очень голодна. Тогда может! – улыбаясь, отвечал отец.

– В сорок пятом же, слышал, Джон, про Эдгара Харелла? – обратился Харви к отцу.

– Да, было дело. Японские торпеды потопили крейсер «Индианаполис». Члены экипажа стали прыгать в воду. Судно ушло под воду. Молодые ребята там были. Юнцы совсем. А в Тихом океане, Джек, водятся белые и тигровые акулы. Не многим удалось спастись. Они молодцы – смогли соорудить плот из пустых алюминиевых коробок. Использовались коробки эти для боеприпасов. Плот заметили с неба и спасли парней. Смекалистые оказались моряки.

На некоторое время воцарилась тишина, как вдруг Харви вышел в центр и воскликнул:

– Господа! Предлагаю заслушать историю о моей ноге. Вы спросите, зачем мне это. Поднимался я к вам, а тут мальчонка и спросил у Джона, почему хромой я. Расскажу.

Все стоящие вокруг в один голос прокричали:

– Фартовый!

– Да, именно! Понимаю, что не впервые рассказываю, но все же расскажу для мальчонки. – Харви насупился и начал свой рассказ: – Так, значит. Дело было в Ирландии, в деревушке Кинсейл. Причалили мы туда на пару дней, и я тогда был свободен как ветер в поле. Я еще не был связан счастливыми оковами любви и брака. И совсем не собирался вставать на эту скользкую дорогу обязательств и ответственности. Тогда я и подумать не мог, что холостяк по доброй воле откажется от этого прекрасного звания и станет рабом во имя любви к деревенской пышногрудой румяной ирландке Мэри и обзаведется семьей и детьми. Вот, значит, иду, гуляю, а тут по дороге девушка на лошади скачет. И уверенно так сидит в седле, так же как я уверенно в руках стакан рома держу, мимо меня проскакала, а я ей вслед: «Давно на коне?!» Как такая глупая фраза залетела в голову, я и сам не понял. Понял только, что надо бы произвести впечатление. Вот я и произвел. Мэри с семьей неподалеку держала конюшню и была не из робкого десятка, предложила мне вместе прокатиться на жеребце по имени Фартовый. А я еще и брякнул, что я знатный наездник, что в седле двадцать лет. Привела она меня в конюшню – вот и знакомство с родителями вышло. Выбрал я коня по имени Фартовый, черный такой, лохматый. Он явно был мне не рад. Плюгавенький такой. А я тогда весил прилично, как и сейчас, впрочем. Седло она на него накинула и говорит: «Ну что, садитесь, пожалуйста, вы же такой знаток». Я и полез. Что не сделаешь ради любви. Фартовый весь согнулся, когда я на

³ Мидель, миделевое сечение (от нидерл. *middel*, букв. – «средний, середина») – наибольшее по площади поперечное сечение тела, движущегося в воде или воздухе. Иногда площадью миделя называют площадь проекции тела на плоскость, перпендикулярную направлению движения тела. Обычно говорят о миделевом сечении торпеды, корпуса судна, подводной лодки, фюзеляжа самолёта, ракеты и т. п.

него залез, а я ему, как там в кино говорят: «Но-о, но-о!..» А я в первый раз в седле оказался... Вот и скинул он меня. Фартовый я, что встретил Мэри, пусть теперь и хромой.

Отец похлопал Харви по плечу, пожал ему руку и всем остальным и сказал:

– Спасибо, друзья, за прекрасный вечер. – И, прислонившись к стене корабля, негромко произнес: – И тебе, «Грейт Британ», сегодня за теплый прием. Нам уже пора. Виктория уже волнуется. Попрощавшись со всеми этими прекрасными людьми и выдающейся «Грейт Британ», я ощутил внутри столько теплоты и искренности! Как же они любили море, я не могу передать. Как же они любили море!.. Харви простой, мечтательный, с большим открытым сердцем, а Томас немногословный, большой и серьезный, а Рой пижон, тщеславный и скромный одновременно... И мой отец – душа компании, надежный, отзывчивый и добрый... Еще говорят, что я маленький, а сами, сами большие дети... Прямо как море с конфетой...

В объятиях Атлантического океана и звездного неба мы шли с отцом по Огненной Земле, не проронив ни единого слова. Неспешным шагом по направлению к дому... Хотелось ли мне в тот момент о чем-то рассуждать или что-то спрашивать у него, я с уверенностью отвечаю: нет. Мы сели на старенькое крыльцо у дома, и оба продолжали молчать. Я смотрел куда-то вдаль, да и отец тоже, небо роняло звезды, ветер трепал волосы, а сверчки пели нам свои песни. Когда отец ушел, я еще долго сидел на крыльце. Я был тогда не один. Я остался наедине со своими мыслями и мечтами, совершенно отчетливо понимая, что это была лучшая беседа в жизни.

Глава 11

Этим ранним августовским утром меня разбудил звонкий голос моей взбалмошной и нетерпеливой соседки Эвы.

– Эй, там, давай просыпайся уже! Так долго спят только бездельники и лодыри! – вопила Эва. – Джек, лежебока! Подъем! – не унималась она.

Я бы сравнил Эву с шаровой молнией. Они могут залетать в жилища людей через открытые форточки, двери, влететь через дымоходы. Даже сквозь закрытое окно могут ворваться, расплавив оконное стекло, оставляя за собой идеально круглой формы отверстие. Вот и моя нахальная подруга не стала дожидаться ответа и залетела ко мне в комнату, оставив грязные следы на полу от своих башмаков. Я сел на кровать и стал наблюдать за рыжеволосой подружкой.

– Говорю же, лежебока! Я уже пару часов на ногах, – выпалила, запыхавшись, Эва.

Я зевнул и спокойно сказал:

– Эва, башмаки. И, к слову, я когда к тебе захожу, ты обычно спишь.

– Ты слишком рано приходишь. Все еще спят, – спорила она.

– Ну нет. Обычно к десяти или к одиннадцати... – улыбнувшись, ответил я.

Эва поняла, что я поймал ее и ей не отвертеться, а признавать свою неправоту она не любила. Она как упертый баран. Поэтому, недолго думая, она ловко перевела тему на часы, лежащие по правую руку от меня на прикроватной тумбе из натурального темного дерева. Эва не спеша взяла их в руки и стала рассматривать. На обратной стороне она прочла:

– Роберт Роскелл. Откуда взял? – обратилась она ко мне.

– Дедушка Дуглас подарил их мне на день рождения. Это карманные серебряные часы известного часовщика Роберта Роскелла. Сейчас дедушка с трудом нас уже узнает, он совсем старенький, плохо видит и слышит, а вот про часы помнит. Раньше они с бабушкой жили в Кестоне в Лондоне, а потом переехали в Форт Август. Очень уж им понравились эти места.

А это где, Джек? – задумчиво спросила меня соседка. – Форт Август.

– Это в Шотландии. Форт Август на юго-западном конце Лох-Несс. Озеро такое. Поговаривают, что там, в этом озере, водится чудовище. У них там домик.

Как отец ни уговаривал его с бабушкой Люсиль перебраться к нам на Фолкленды, они ни в какую. Дедушка, как и мне сейчас отец, прививал в свое время отцу любовь к морю. Он смог дослужиться до шаутбенахта⁴. Был уважаемым человеком на флоте. Я с трудом смог запомнить это слово – «шаутбенахт». Как я понял из рассказа дедушки, что вот этот самый чин шаутбенахта переименовали в контр-адмирала. И всем стало проще. Ведь сложно даже выговорить – вот, наверное, и переписали.

Эва удивленно смотрела на меня, а потом сказала:

– Да уж, еще чудища мне не хватало. Хотя ты же есть – уже не страшно. Что-то рановато я. Ты будешь похуже чудища. На твоих серебряных без четверти восемь. Праздник, наверное, еще не начался. – Эва смущенно развела руками.

Мы услышали стук в дверь.

– Тук-тук, можно войти? – послышался голос мамы.

– Конечно заходите, – важно ответила Эва.

– Я вижу, ты позабыла, подруга, что комната-то моя.

– Ой, хозяин нашелся, – отвечала недовольно Эва.

Мама с трепетом погладила меня по волосам и, улыбаясь, сказала:

– Джек, ты мужчина – с дамами так не говорят.

⁴ Шаутбенахт (нидерл. *schout-bij-nacht* — «в ночь смотрящий»), или шаубенахт, – первично – адмиральский военно-морской чин в Нидерландах, соответствующий генерал-майору, а в других флотах мира – контр-адмиралу.

– Мам, это не дама, это бандитка. С ней нельзя по-дамски.

– Ну-ну, Джек, – улыбалась мама. А потом, положив одну руку мне на плечо, а другую Эве, сказала: – Раз вы такие ранние пташки, пойдем завтракать. Завтрак готов. Следуйте за мной, – улыбаясь, обратилась мама к нам.

За столом Эва набивала щеки, словно Робинзон Крузо, который вернулся голодный на землю после долгих скитаний и увидел ростбиф.

– Как же ты проголодалась, Эва! – смеясь, обратилась мама к Эве.

– Немного проголодалась, – жуя, отвечала Эва.

– Есть еще порк пай⁵ Молли, в ее пекарне знатные пироги, пожалуй, лучшие на островах. Хочешь? – предложила мама Эве.

– Конечно! Пироги я люблю. Особенно мясные. Когда я отказывалась? – отвечала Эва с набитым ртом.

– Не помню такого! – сказал ей в ответ я.

– Что-то сегодня мне не спалось – вот я и пришла, – причмокивая, сказала Эва.

– Молодец, что пришла. Мы тебе всегда рады, – добрым голосом обратилась мама к Эве.

– Какая муха тебя укусила в такую рань явиться в наш прекрасный дом? – с возмущением выпалил я.

– Не спалось мне, говорила же... Вот и подумала разбудить тебя спозаранку... – пролепетала Эва.

– Мам! Поведется еще, а потом в комнату мою переберется, а мне куда? На задний двор к твоим дрокам⁶? – ворчал я.

– Очень даже симпатичный кустарник. И, к слову, достаточно неприхотливый в отличие от тебя. Но такой же колючий и независимый и не любитель соседствовать с цветочными клумбами, сынок, – с ухмылкой ответила мама.

После маминых речей про дрок Эва показала мне язык и захохотала.

– А отец твой где? Опять в плавание ушел? – оглядываясь по сторонам, спрашивала Эва.

– Да, ночью. Тебе привет слал.

– Эва громко зевнула.

– Вот теперь мой живот точно полон! – сказала рыжеволосая Эва, дожевывая яблоко.

– Ну и отлично! – обрадовавшись, сказала мама.

– Все запасы подъела! – продолжал возмущаться я.

– Невежа! Тебе же сказали, что с дамами так не говорят, – дразнилась Эва. – Пошли посмотрим, что в городе творится, что там они придумали, – обратилась ко мне она.

Эва же не могла нормально выйти из дома – она вылетела из него, на ходу поблагодарив и попрощавшись с мамой.

Мы услышали вслед напутственные слова, как это обычно бывало умам, и направились на Росс-роуд, на главную, пока еще безлюдную, сонную улицу Порт-Стэнли.

– Эва, ты что-то знаешь про 14 августа 1592 года? – обратился я Эве.

– Делать мне нечего, хранить в голове столько информации, – отвечала мне она.

– Отец рассказывал мне, что еще в далеком 1592 году, 14 августа, выдающийся путешественник Джон Дэвис открыл Фолкленды в самом сердце Атлантического океана. Еще он был главным навигатором Елизаветы I. И каждый знает здесь, на архипелаге, это знаменитое имя, кроме тебя, Эва. Темнота дремучая! – захохотал я.

⁵ Порк пай – лестерширский пирог со свиной. Или мелтон моубрей (англ. *Melton Mowbray pork pie*) – традиционный британский холодный мясной пирог. Начинку готовят из достаточно крупно рубленной свинины, запекают в тесте, замешенном на горячей воде.

⁶ Дрок – кустарниковое степное растение семейства бобовых с жёлтыми цветками.

– Да знаю я! – буркнула мне в ответ она. – Руку свою давай тощую и побежали, – про-
бормотала мне она, и, как обычно, не успев ответить, я был схвачен плотной рукою бегущей
рыжеволосой аргентинской подруги.

Сегодня большой праздник – День Фолклендских островов, и мы с радостью и гордостью
бежали, держась за руки, на Росс-роуд мимо домов с цветными стенами и яркими крышами, по
злаку туссока⁷, вдыхая терпкий морской воздух Атлантического океана на родной Огненной
Земле прохладным, ветреным, но все же приветливым августовским утром. Тогда мы были
детьми, полными надежд, ярко воспринимающими все вокруг, радующимися всему. Мы были
детьми Фолклендских островов.

⁷ Туссоки, или тассеки (англ. *Tussock grassland*), – тип злаковых сообществ, сходных со степями, которые распространены в сухих и жарких районах Новой Зеландии, Австралии и на Фолклендских островах.

Глава 12

– Ну вот, мы на месте! – запыхавшись, горделиво воскликнула Эва.

– Да, мы без всякого сомнения на Росс-роуд, – согласившись, ответил я.

Росс-роуд была прибрежной улицей Стэнли, на которой находились главные достопримечательности. Мы с Эвой решили посетить внушительное сооружение из кирпича и местного камня, явно требующего уважения к своей персоне, с вальяжными витражными окнами, кафедральный собор Крайст-Черч. Ворота были не закрыты, и мы решили воспользоваться случаем и зашли.

– Сколько там натикало на твоих дедушкиных? – спросила Эва.

– Ровно девять! Наверное, еще закрыт собор. На улице ни души, – ответил я.

– Ладно, не дрейфь, пошли. Говорю же, лодыри кругом! – с уверенностью заявила мне Эва.

Самоуверенная соседка вцепилась в дверную ручку и стала ее тянуть на себя.

– Ничего не получается! – не унималась Эва.

– Да говорю же, все спят еще. Закрыто! – выкрикнул я.

В этот момент кто-то сзади схватил нас за воротники и потащил к выходу.

– Воришки. Небось украсть что-то хотели. Знаю я вас, плут на плуте и плутом погоняет! – раздался за спиной противный голос ворчащего.

– Отпустите нас, я сказала! Вы не имеете права! Мы не воришки. Мы на праздник пришли, а все закрыто.

– Вот выведу вас за территорию и отпущу, – сказал смотритель.

– В этот момент я вырвался из его рук, остановился и обратился к смотрителю. Это был старенький дедушка в шляпе с длинным носом и седыми бакенбардами.

– Сегодня же праздник. Я Джек, а это Эва. Мы правда пришли на праздник, не выгоняйте нас, пожалуйста. А если так, мы сами уйдем. И мы не воришки. Мой отец – моряк, и у Эвы моряк, нам не разрешено воровать.

Старик посмотрел на меня, а потом на Эву. Я так и не смог понять, какого цвета были его глаза: голубого или серого. Они были выцветшими и белесыми. Но они были добрыми. Он отпустил Эву.

– Не воришки, значит, – бормотал под нос себе он.

– Наконец-то! – воскликнула Эва.

– А что тогда в такую рань явились? И слоняетесь, – обратился старичок к нам.

– Не спалось нам – вот и слоняемся, – парировала Эва.

– Не нам, а тебе, – обратившись к Эве, ответил ей я.

– Старичок стал копошиться в кармане своих брюк. На них уже была не одна заплатка, но они не намерены были сдаваться и продолжали служить ему верой и правдой. Смотритель достал из кармана ключ внушительных размеров, немного ржавый и потертый, и обратился к нам:

– Раз не воришки, я вам открою. А так с десяти часов будет открыт храм для прихожан и гостей сегодня. Еще куда заберетесь, мелюзга! Я Логан Барнз, местный смотритель. Отлавливаю воришек и другой наглый люд.

Он подошел к массивной двери, вставил ключ в замочную скважину и повернул несколько раз по часовой стрелке.

– Для надежности, чтобы не пробрались воришки! – бурчал старичок.

Дверь заскрипела, словно маленькое разъяренное дитя, которое мы разбудили, и ворчливо впустила нас внутрь.

– Идите за мной! Не самовольничайте! Это не лавка с мороженым. Это собор. Проявите уважение, – обратился к нам смотритель.

Мы с Эвой переглянулись и молча проследовали за ним. Мы шли по красному бархатному ковру за ним и слушали его поучения:

– Ничего небось не знаете. Ну хоть не воришки. Надо чтить историю и знать ее. А вы неучи. Вот садитесь и слушайте. Может, умнее станете.

Мы сели рядом с ним на генуфлкторий и внимательно стали его слушать. Нам совершенно не хотелось перебивать его. Я чувствовал, что ему было важно поделиться с нами своими убеждениями и желанием поведать нам историю собора. Пусть он и был сварливым и занудным стариком, но он был на своем месте.

– Там, где вы сидите, это не для отдыха. Не для того, чтобы ноги не уставали, это нужно для учения и послушания. Вот и...

Не дав договорить, Эва перебила смотрителя, впрочем, как и всегда.

– Отец рассказывал мне, что в соборе хранится знамя с подвязками лорда Шеклтона, – обратилась к нему Эва.

– Да, это действительно так. Это старейший рыцарский орден – благороднейший орден. Поднимите головы. Флаг видите?

– Белый прапорщик⁸, – ответил я.

– Одно время его называли флаг святого Георгия. – Смотритель развернулся к нам, пусть сидя это было ему и не очень удобно, и негромко сказал: – Ну что, ребяташки. Хватит с вас на сегодня просвещения. Я провожу вас. Мне еще там надо проверить... Не залезли ли туда воришки... Ничего ли не стащили... Поздравляю вас с праздником. Сегодня большой день. Совершайте добрые дела.

– Мы поблагодарили смотрителя и направились к двери. Эва не оставляла попыток ее отворить, но все они были безуспешны.

– От себя отворяй, Эва, – смеясь, говорил я.

– Так, не дави. Сейчас, – отвечала она.

Эва послушала умного меня, у нее все-таки получилось, и дверь отворилась.

Перед нами предстала уже не спящая улица Росс-роуд, а бодрая и наполненная людьми. У многих в руках были флаги, цветы и зонтики. Шел небольшой дождь, и дул суровый атлантический ветер. Это было обычным делом на Огненной Земле. Я привык, как и, пожалуй, наверное, любой житель на островах. Но мурашкам я обычно всегда проигрывал. Не мог я с ними совладать. Я часто задаюсь вопросом, как в таких суровых условиях жителям столицы удается содержать свои дома и приусадебные участки в таком изящном виде. Все деревья и газоны были аккуратно подстрижены, садовые кустарники и цветы выглядели ухоженными.

Сегодня я смог найти ответ на этот вопрос. Это было очень просто объяснить. Ведь хочется что-то делать только тогда, когда у тебя открытое сердце, а иначе и не хочется ничего. Пример тому – моя удивительная мама, вечно копошившаяся с большим удовольствием в нашем саду, любительница кустарников и причудливых растений, как и все жители Фолклендов, любившие свою родную землю... Другого объяснения происходящему у меня просто не было.

⁸ Белое знамя, одно время называемое знаменем Святого Георгия из-за одновременного существования версии флага без креста, является знаменем, которое носят на кораблях Британского Королевского флота и в береговых учреждениях.

Глава 13

– Джек, пойдем к Ратуше, там имбирное печенье обычно раздают в каждый праздник Фолклендов! Я уже проголодалась, – обратилась ко мне Эва.

– Эва, тебе только поесть. Больше тебя ничего не интересует, – посмотрев на нее, недоумеваю, сказал я.

– Да ладно тебе, пойдем, – с глазами, полными надежд, и с замыслом отведать печенье обратилась ко мне моя прожорливая соседка.

– Вот как можно быть такой ненасытной, но в то же время такой тощей? В голове не укладывается, – бормотал ей я.

Эва в ответ только гримасничала, а потом рванула вперед мимо людей, деловито прогуливающих по тротуару, не видя в них преграды на своем пути, так ловко она их оббегала.

– Давай наперегонки! Догоняй! – на ходу прокричала она мне.

– А раньше нельзя было предупредить? – качая головой, стоя на месте, сказал я, смотря ей вслед.

Я бросился ей вдогонку и, затормозив на своих двоих, уже стоял перед Ратушей. Эва оказалась права и уже присоединилась к ребятам, стоящим за печеньем. Голодных ртов, желающих поживиться за чужой счет, а конкретно за счет доньи Молли Браун, державшей пекарню на Таун-Холл, названную ее отцом в ее же честь Charming Molly's Bakery, было предостаточно. Но сегодня был особенный день. Сегодня же 14 августа, праздник же.

– Сегодня можно угощаться, Джек! Иди бери печенье! – радостно жуя, говорила мне Эва.

Не успел я решиться, как Молли сама позвала меня. Ее голос был мелодичным и спокойным. Было видно, что Молли готовилась к сегодняшнему дню. На ней был бордовый праздничный костюм, на котором расположились маленькие, изящные, пудрового цвета розочки, а на голове красовалась соломенная шляпа с большим белым бантом. Я бы даже сказал, что седые волосы совершенно не портили ее, а, наоборот, украшали ее образ. На шее у нее было жемчужное ожерелье, на запястье красовался жемчужный браслет из той же серии, а на руках я заметил несколько массивных колец, обвивающих ее пальцы, внутри которых были разные камни. Я узнал изумруд и топаз. На груди расположилась достаточно внушительных размеров брошь из коралла и стекла, в виде бабочки.

– Здравствуй, дорогой. Бери печенье, мой хороший. Сама пекла. Вон Эва не из робкого десятка, не такая скромная, как ты, Джек. Уже за третьим идет! – с искренностью и добротой обратилась ко мне Молли Браун.

Я улыбнулся и взял печенье, аккуратно лежащее на маленьком круглом столике, стоящем на улице.

В отличие от Эвы, которая жадно поглощала его, набивая рот, а потом перемалывала его, как мельница с жерновами, я откусил кусочек и, наслаждаясь его песочным мягким вкусом, обратившись к Молли, сказал:

– Правда, очень вкусно!

В этот момент я услышал родной и знакомый голос мамы, стоящей у меня за спиной.

– Ну где же они еще могут быть, Молли, как не возле тебя. Сегодня на завтрак я угощала сорванцов твоим пирогом. Все слопали, крошки не оставили, настолько он был вкусный, – делилась мама с Молли нашими утренними подвигами с Эвой.

– Вот и замечательно, Виктория! На здоровье, – немного смущенно ответила маме Молли.

– А еще есть? – обратилась Эва к Молли Браун.

– Наклонившись, Молли достала из-под стола маленькую коробочку с имбирным печеньем в форме сердца и угостила Эву, а потом и нас с мамой.

– Эва, ты же лопнешь! – негодовал я.

– Не хочешь – не ешь, мне можешь отдать, – жуя, отвечала мне Эва.

Рядом с Молли, на маленьком столике, расположился старина патефон. Он работал изо всех сил, иногда отдыхая, заедая на долю секунды, но потом брал себя в руки и вновь продолжал играть и радовать окружающих звуками прекрасной музыки. Миниатюрный патефон делился каждой удивительной нотой, хранившейся в его большом играющем сердце, с каждым из нас. А мы, в свою очередь, благодарили его своими улыбками, светящимися глазами и, конечно же, танцами в честь праздника сегодня.

Вот и Лайонел Баркер, стоявший неподалеку, пустился в пляс.

Он был достаточно плотным, холемым, но не заносчивым, а достаточно отзывчивым и добросердечным. Он носил усы и бороду, что делало его лицо очень добродушным. Мы часто обращались к нему за советом и помощью касаясь почтовых марок, когда писали письма и отправляли их отцу, и он никогда не отказывал.

На первом этаже в Ратуше расположилось почтовое ведомство. А Баркер был там государственным чиновником-почтмейстером. Лишь у него одного был набор специальных марок и свой штемпель. Неподалеку от Ратуши расположились суд, телеграф, библиотека, несколько контор. Жители Порт-Стэнли, большие любители корреспонденции, являлись частыми гостями на почте на Таун-Холл.

Он помахал мне рукой, и я в ответ с улыбкой ответил ему тем же. Рыбные лавки, бакалеи были полны жаждущих трапезы. Чего только не было сегодня здесь, в Порт-Стэнли! Вот прямо перед нами пожилая пара танцевала вальс, а прямо в десяти шагах от них танцевали юноша и девушка жгучее аргентинское танго. Прямо за ними я заметил знакомое лицо. Я мог, конечно, что-то перепутать, но не в этот раз. Я подошел ближе и не ошибся. Прямо по курсу стоял с букетом в руках и флагом высокий смуглый черноволосый мужчина с усами, в светлой одежде Хосе Мануэль Торрес собственной персоной. Двумя словами, отец Эвы.

Недолго думая, я бросился на поиски своей соседки.

«Где же она? Где же она может быть? – остановившись, задумался я. – Ну конечно. Джипси-Коув».

Я со всех ног бросился в бухту Джипси-Коув, которая расположилась неподалеку, в десяти минутах ходьбы от Росс-роуд, чтобы сообщить Эве новость об ее отце. И я не ошибся в своем маршруте. Я заметил Эву, сидящую на большом камне, в окружении удивительных созданий. Я отдышался и, подняв голову, увидел перед собой необыкновенную картину. Передо мной предстала с белым песком и бирюзовой водой каменистая местность с отвесами и округлыми склонами. А что самое удивительное, вокруг моей удивительной соседки горделиво расхаживали магеллановские пингвины.

– Эва! Эва! Новости есть! Поднимайся давай! Поспеши! – с волнением прокричал я.

Эва неспешно сообразовала повернуть голову в мою сторону и без доли сомнения в голосе ответила.

– Давай вещай. Не тревожь меня понапрасну. – Ее голос прозвучал со спины.

– Повернулась бы хотя бы, невежа! – возмутился я.

– Щас, разбежалась, – ответила Эва.

– Эва, Эва! Повернись! Тогда скажу! – не унимался я.

– Чего тебе? Давай не томи уже! Вещай! – развернувшись, с недовольным видом пробурчала она.

Я знал, как это важно было для нее, и не стал больше тянуть время, а просто посмотрел на нее.

– Твой отец здесь! Я видел его на празднике! – волнуясь, выпалил я.

Эва, выпучив глаза, вскочила и, ничего не ответив, бросилась в сторону Росс-роуд. Я остался на месте и смотрел ей вслед. Ее рыжеволосый силуэт совсем скрылся из виду: так

быстро она бежала. Я почувствовал, что в тот момент радость от встречи с отцом она захотела испытать одна. Я ощутил всецело это всем своим нутром. Я не смел мешать ей и подумал, что лучше будет мне подойти позже. Так я решил, чтобы не смущать ее. Ведь я хорошо знал Эву и прекрасно понимал, что свои чувства она часто прячет, так ей проще и легче. Она колючий еж, но очень ранимый и чувствительный. Поэтому так будет лучше для всех. А то расплчется и скажет, что опять я в чем-то виноват. Сегодня хоть в праздник немного отдохну от ее ворчания и полюбуюсь пингвинами на берегу.

Глава 14

Вечером вместе с мамой мы отправились на торжественный ужин в гости к моей соседке и ее семье. Хотя наши дома и были похожи как две капли воды, мне все-таки удалось найти отличие между ними. В доме не имелось крыльцо, и он стоял ближе к земле. На заднем дворе расположилась парижжя⁹. Как же аргентинцы без парижжьи?! У них тоже водился дрок – куст с желтыми цветами, который благоухал легким сладким ароматом и имелся почти на каждом дворе Порт-Стэнли. На пороге перед нами предстал хозяин дома. Черноволосый, высокого роста, с мощными руками и большими добрыми карими глазами аргентинец, капитан первого ранга Хосе Мануэль Торрес. Мама Эвы Карла хлопотала на кухне. А моя соседка, дурачась, лежа на диване, демонстрировала свои актерские таланты. Изображая усталость, всем своим видом показывала, что у нее нет мочи помочь и она не может встать. Спектакль Эвы продолжился недолго: отец спокойным, выдержанным голосом, зайдя в дом, обратился к ней:

– Эва, дочь, иди помоги маме.

Она сразу вскочила и отправилась на кухню.

Я посмотрел на него, и в этот момент в моей голове возник вопрос. А какой он, отец моей чудной (ударение на второй слог) соседки Эвы Торрес?

Я стал размышлять над ответом и сказал бы так. Хосе Мануэль был человеком серьезным, имеющим твердый характер и хорошее чувство юмора. Еще он был отзывчивым и всегда приходившим на выручку. Кто-кто, а отец Эвы в помощи никогда не отказывал. И мы, соседи, всегда знали, что на него можно положиться. В пекарне Charming Molly's Bakery Молли Браун вышла из строя печь, которая из-за поломки стала выдавать горелую выпечку. Как сейчас помню, ей даже пришлось закрыться на время, но умелые руки отца Эвы смогли справиться с этой проблемой. А в рыбной лавке у Боба Стоуна сломался морозильник. Ему нездоровилось после последнего рейса, но Хосе Мануэль не стал себя жалеть – он же был из морских – и поспешил на помощь к другу. Морозильник и по сей день верно служит Бобу и его креветкам. Он был настоящий аргентинец с большим добрым сердцем, готовый протянуть свою руку всем, кто нуждался в ней. Я уважал его, как и люди, живущие в Стэнли. Да и на флоте он был на хорошем счету. На «Генерале Бергамо» он был капитаном первого ранга (Capitan de Navio).

– Здравствуй, Джек! – протягивая мне свою здоровенную руку, поздоровался капитан.

– Я вам рад! – сжимая крепко руку в ответ, сказал я.

– Все в сборе, прошу к столу, – указательным жестом пригласил нас Хосе Мануэль.

Внутри дома было очень просторно и уютно. Светлые стены были украшены детскими поделками Эвы, вырезками из местных газет про ее отца и цветами в глиняных горшках, висевшими на стенах. А посреди комнаты стоял прямоугольный лакированный деревянный стол, на котором красовалась белая скатерть, а прямо на ней расположились всевозможные яства и угощения.

Я подошел к столу и стал рассматривать стоящие на нем блюда. В этот момент ко мне подошла Карла и провела небольшой экскурс, ведь в нем я действительно нуждался. Аргентинская кухня всегда мне нравилась. Для меня это было в диковинку. Мама у Карлы позаимствовала несколько домашних рецептов и иногда мне готовила причудливые блюда. Вот недавно я попросил ее приготовить мне десертное блюдо дутьсе де лече с блинчиками, чему был очень рад. Вот и сегодня оно стояло в уголке стола и ожидало моей пробы.

– Карла, ты посмотри, уже у стола пасется! – раздался с улицы голос мамы, наблюдающей за нами через открытое окно.

⁹ Парижжя – жаровня для жарки мяса.

– Проголодался, Джек?! – обратилась Карла ко мне. – Скоро будем ужинать. Эву только дождемся. Она, как обычно, на улице, высматривает падающие звезды, теперь уже с Викторией. А я пока тебе расскажу про блюда на столе. Перед тобой блюдо, которое называется асадо. Его готовил Хосе Мануэль собственноручно в нашей парижжье, специально оборудованной для жарки мяса, по традиционному способу аль орно де барро. По традиции асадо готовят мужчины. Внутри – мясо, домашняя колбаса, почки и кровяная колбаса с хлебом, салатом, традиционным соусом чимичурри. Вот там локро, – кивнула на него Карла.

– Это же суп, – посмотрев на нее, сказал я.

– Да, правильно. Это густое рагу из тушеной свинины и кукурузы.

– Выглядит очень аппетитно! – глотая слюну, говорил я.

– По местным сказаниям, этот суп готовили первые революционеры и освободители Южной Америки, – рассказывала она.

– С историей блюдо, – сказал я.

– А вот любимое лакомство Эвы. Печенье под названием «альфа-хорее».

Достав одно из тарелки, вручила его мне мама Эвы.

Я увидел печенье круглой формы в два слоя с начинкой внутри.

– А это блюдо ты точно знаешь, Джек, – утвердительно сказала мне Карла.

– О да! Дульсе де лече! – ответил ей я.

– Там картофельные чипсы, соленья, паштет. А вот и лестерширский пирог со свиной, – рассказывала Карла.

– А это что такое? – спросил я.

– А это пудинг из мяса и почек, – ответила Карла.

– Какая гадость! – раздался за спиной голос Эвы.

Во главе стола сидел хозяин дома Хосе Мануэль. Мы все ждали его напутственных слов к ужину. И вот он встал из-за стола и с бокалом красного вина в руках обратился к нам:

– Ну что, теперь точно все в сборе. Джона только не хватает нам для полного счастья. Ну что тут сказать, работа есть работа. Я очень рад, что я дома. Мой дом там, где моя семья. Я родом из Сан-Фернандо-дель-Валье-де-Катамарка.

В этот момент Эва, сидевшая рядом со мной, шепнула мне на ухо:

– Это еще сложнее, чем чин твоего дедушки. Как он там? Шаут, шаунбек?

Эва! Шаутбенахт! – выдохнув и покачав головой от возмущения, прошептал ей я. – А как вы решили стать капитаном, связать свою жизнь с морем? С чего все началось? – обратился я к отцу Эвы.

Он посмотрел на меня, опустил голову, почесал затылок и, проиграв по столу, словно это были клавиши на пианино, замолчал. Воцарилась небольшая пауза, а потом он продолжил. Его голос немного дрожал. Я почувствовал, что он стал нервничать. Он старался этого не показывать, но это было заметно. Трепетную тему затронул, подумал я. Тему детства и родины, воспоминаний и надежд. Время, которое уже никогда не вернуть. Ведь когда ты маленький, ты никогда не размышляешь об этом, тебе не до этого. Тебя больше интересует, как бы изловчиться и поймать бабочку в сачок или вытащить из пруда золотую рыбку, да что мелочиться, огромного ската или откормленную креветку из океана. А спустя время, повзрослев, начинаешь понимать, что детские шалости сменяются на важные взрослые дела. Ты их не забываешь, а прячешь их на глубину своей души, в шкатулку воспоминаний, как прячет океан затонувшие корабли. А потом на Рождество или в свой день рождения, собирая друзей за столом в своем доме, открываешь ее и делишься воспоминаниями, роняя свои не детские слезинки, а уже взрослые, но не менее трогательные слезы.

– Там есть река Рио-Валье, – продолжал Хосе Мануэль. – Я тогда был вашим ровесником, азартным, беззаботным маленьким мальчишкой. И вот однажды как-то с ребятами мы бегали и играли вдоль реки. Там я увидел рыбака, собирающегося отплыть на небольшой лодке, и

попросил у ее хозяина покатасть меня на ней немного. И он мне не отказал и даже тогда дал мне весла. В тот момент я представлял себя капитаном огромного фрегата. Я важничал и рисовал в своей голове огромный бескрайний океан, палубу, шлюпки и рифы. Как будто вчера было, – вздохнул отец Эвы и немного погодя продолжил свой рассказ. – А сегодня у меня семья, я капитан крейсера, и я здесь, на Огненной Земле. Одним словом, счастливый человек. У меня два дома – Аргентина и мои Фолкленды. И я чувствую себя в них своим в доску. Океан для всех один. Мы все равны. Мы дети Земли. Приду из рейса, а вы с Эвой уже школу заканчивать будете. Как бы я хотел замедлить время! Как бы я этого хотел! – растрогался капитан.

– Садись, садись! Возьми, – тихонько за рукав дернула его Карла и вложила в его руку платок.

– Да-да. Сажусь, сажусь, Карла. Что-то я сегодня излишне эмоционален, – говорил капитан, лоя в платок слезу, которая не торопясь катилась по его щеке.

– Отец, а расскажи о «Генерале Бельграно», – с гордым видом обратилась к нему Эва.

Он улыбнулся и, не успев откусить хлеб, сказал:

– Поесть не дашь, любопытная ты моя, дочь капитана, – смеясь, сказал он. – Эва, раньше он носил название «Феникс».

– А почему его переименовали? – поинтересовался я.

– Его выкупили и переименовали, неуч! Это же логично, – умничала Эва.

– Не ссорьтесь, я сейчас все расскажу, – спокойным голосом обратился к нам капитан. – Крейсер раньше носил имя «Феникс». Он был спущен на воду со стапелей верфи в далеком 1938 году в США, в Нью-Джерси. А впоследствии был продан Аргентине и переименован в «Генерала Бельграно». В честь генерала Мануэля Бельграно, участвовавшего в войне за независимость от Испании в XIX веке. Пока еще он был в составе ВМФ США, в 1941 году он смог устоять во время налета японской авиации на Перл-Харбор. Так что я несую службу на настоящем герое. Имею честь.

– Я же говорила! Видишь, с какой историей судно! – довольная собой, хвалилась Эва.

– Эва, не судно, а крейсер! – глубоко вздохнув, ответил я.

Я ухитрился насладиться всем по чуть-чуть в полной мере, с полным животом развалился на диване и не заметил, как задремал. Я даже не понял, как это случилось. Моему отдыху, впрочем, как и всегда, помешала моя соседка. Она решила в этот раз использовать новый метод пыток. В этот раз он был не словесный, а силовой. В ее арсенале появилась щекотка. А я ее, признаюсь, боялся. У нее получилось запустить свои аргентинские лапы ко мне под мышки и щекотать, пока я не проснусь.

– Эва, ну хватит, хватит! Не могу больше! – хохоча, просил ее я.

– Тут тебе не ночлежка, Джек, – шутливо продолжала она.

– Эва! – серьезным голосом произнес отец.

– Эва сразу же вытащила свои клешни и сказала:

– Тебе повезло! – И вышла из-за стола.

Я вздохнул и глотнул чай, стоящий на столе напротив меня. Точно мой, раз здесь стоит, подумал я.

Мама, сидящая напротив, обратилась ко мне, сказав:

– Джек, сынок, нам пора собираться домой. Поздно уже, засиделись, даже как-то неудобно.

Я кивнул головой и вышел из-за стола.

– Вы нам не мешаете! Сидите, сидите! – отвечала Карла.

– Наш дом – ваш дом. Его двери всегда для вас открыты. Мы вам рады. Мальчишка уже мне как сын. С Эвой они как брат и сестра. Вместе бегают, играют. И в школу скоро ребяташкам, – обращался к нам глава семьи Торрес.

Поблагодарив за теплый прием и божественный ужин, мы покинули дом капитана с его семьей и, закрыв за собой резную деревянную дверь со старой, немного качающейся ручкой снаружи, отправились с мамой домой. На прощание нам подарили, пожалуй, самые лучшие подарки. Это были искренние, душевные и настоящие чувства доброты и заботы. Именно их я и испытал. Я бы назвал это необычное явление открытостью души, которую я всецело прочувствовал сегодня, в дождливый ветреный День Фолклендов, 14 августа 1952 года, в своем родном прекрасном и удивительном городе Стэнли, в окружении магелланских упитанных пингвинов, разгуливающих на острове у берегов Атлантического океана, которых так любила моя соседка Эва.

Глава 15

– Давай уже открывай дверь! Опаздываем, – из-за спины торопила меня Эва.

Я открыл массивную дверь, и мы вбежали в школу. Изнутри она напоминала пряничный домик с маленькими коридорами и миниатюрными классами. Стены были нежно-персикового цвета, а пол украшал паркет. При входе у двери стоял маленький комод с книгами, а прямо напротив него расположился массивный диван. Эти атрибуты, безусловно, своим присутствием здесь создавали уютную домашнюю атмосферу. Каждый желающий мог открыть старинный комод янтарного цвета, достать книгу и просветиться при желании.

– Ох и ругаться сейчас будет мисс Кэролин. Мы опять опоздали. Плохо дело, Джек, – пугливо сказала мне Эва.

– Надо идти. Тут ничего не поделаешь. Или прогулять хочешь? – с ухмылкой обратился к ней я.

– Вот смотрю я на тебя и диву даюсь. Скоро конец четверти, экзамены, а ты еле-еле, с грехом пополам, переползаешь из класса в класс, и баллы твои оставляют желать лучшего! – возмущалась она, стоя у двери в класс.

– Боишься? – сказав, захохотал я. – Не ворчи! Я свою норму знаю. Пока на плаву, как когда-то говорил мой отец.

– На плаву он, тебе же не шесть.

– Да и не говори, точно. А ты можешь поверить, что мы уже в девятом классе? Ох, время пролетело. Ну пошли! Заболтались.

В этот момент изнутри отворилась дверь, и на пороге со строгим лицом показалась мисс Кэролин. Я никогда не мог понять ее настрой. Вот и сейчас не пойму, сердита она или нет. Ляпну что-то и боюсь ее реакции. Вот и сейчас взял и ляпнул:

– Опоздали мы, мисс Кэролин. Каюсь. Тысяча извинений.

– Весь класс залился смехом. И кто-то сказал:

– Что еще он мог сказать? Лэйн в своем репертуаре.

– Молчи лучше, а то будешь всю жизнь сидеть здесь и историю учить, – еле слышно пробурчала Эва.

– Миссис Торрес, я тут услышала от вас слово «история». Или мне послышалось? – поправляя очки и фиксируя их на носу, обратилась она к Эве.

– Да нет, было. Но к доске не хочу, – сконфузившись, отвечала Эва.

В этот момент сидящие в классе стали хохотать.

– Не хочет она! – смеясь, выкрикнул Кит Грин.

Он был отличником в нашем классе, ябедой и выскочкой. Я с ним часто дрался. Но пока мне удавалось одерживать победу. Ведь я всегда был за справедливость. А как известно, она должна была восторжествовать.

– Ну, Кит, ты у меня получишь после школы! – выкрикнул я и погрозил ему кулаком.

– Ага, конечно, Лэйн, держи карман шире! – выкрикнул мне в ответ он.

В этот момент весь этот балаган прервала миссис Кэролин, изо всех сил прокричав:

– Тише, я сказала!

В классе воцарилась полная тишина.

– Как еще стекла на месте остались, – негромко сказал я, но так, что все услышали.

И в классе опять воцарилось безудержное веселье. Кто-то в нашу поддержку запустил бумажный самолет, и я его поймал. Я развернул его и улыбнулся. Внутри было написано: «Лэйн, не сдавайся, и точка».

– Тише! – словно из громогласной трубы, раздался звук возмущающейся миссис Кэролин. – Лэйн, вы срываете мне урок. Вы это понимаете? – обратилась она ко мне. – Марш напрямиком к директору! Идти вам далеко не придется: кабинет по соседству.

– Она открыла нам дверь, а потом громко ее захлопнула за нами.

– Мы стояли с Эвой в коридоре, смотря друг на друга. Что примечательно, мы одновременно развели руками.

– А вот и он! Директор! – спрятавшись за мою спину, промолвила с ужасом в голосе Эва.

По направлению к нам или к своему кабинету, да какая разница, терять уже было нечего, шел директор школы. В этот момент мне предстала сцена из страшных фильмов, где что-то ужасное движется на тебя и вот-вот сделает с тобой что-то явно не хорошее. Именно сейчас на нас надвигался наш директор Фокс. Он был невысокого роста, одет с иголки, в лакированных ботинках и, как обычно, с кипой документов в руках.

– Миссис Кэролин на урок не пускает? Лэйн, Торрес, в чем дело, я спрашиваю?

– Да мы это... Во рту пересохло, – бормотала Эва.

– Так. Торрес не справляется. Лэйн, может, вы мне объясните, почему вы посреди урока с опущенными головами третесь у двери. Прошу в мой кабинет.

Директор был явно не в духе, увидев нас. Мы были частыми нежелательными гостями у него в кабинете. Да и дел у него хватало, ему было кого воспитывать. У нас в одно ухо влетала информация, а когда мы оказывались на свободе, за пределами школы, с радостью, долго не задерживаясь, вылетала. Я его понимаю: мы с Эвой были костью в его горле, которая ему изрядно мешала и от которой он уже давно хотел избавиться.

– Каемся, опять опоздали, – обратился к директору я.

– Я не священник, Лэйн. И вы не на исповеди. Мне ваше поведение уже порядком надоело. Ей-богу, как дети малые. Помните тот день, когда вас родители привели в школу, а Лэйн?

Я вспомнил тот день. Отец с мамой долго к нему готовились. Мне сшили синий нелепый костюм. Он, кстати говоря, до сих пор висит в шкафу. Мама хранит его по сей день. Я шел в школу за руку с отцом. Каким же маленьким я был. Мир казался мне таким шепутным, полным веселья и приключений.

– Я повторю свой вопрос, Лэйн. Каким вы были в тот день, когда пришли к нам в школу?

– Я был мечтательным ребенком, господин директор, с большими, открытыми, наивными голубыми глазами. Сейчас я другой. Да и мир стал другим. Да, не спорю, во мне еще что-то осталось от того смешного мальчишки Джека, но, пожалуй, в меньшей степени. Время изменило меня. Я помню день, когда, стоя на берегу, был уверен, что никогда не свяжу свою жизнь с морем. Теперь я так не считаю. И пусть, может, я не ас в математике, физике или других точных науках, зато я точно знаю, чего я хочу. Я не буду ради высшей оценки подлизываться или строить из себя паиньку. Я таким не был и никогда не буду. Да, я опоздал, и я признал это и извинился. Что еще я должен? С оценками в моем дневнике я согласен. Я не бунтарь. Я Джек Лэйн, сын своего отца Джона Лэйна. Можно мы пойдем, директор? Больше это не повторится, обещаю. – Я не отводил глаз все время, пока я говорил, и смотрел директору Фоксу прямо в глаза.

Он опешил, я это видел. Он отвел глаза, взял карандаш и стал крутить в руке. Какое-то время он развернулся и стал смотреть в окно, а потом негромко сказал.

– Да, вы действительно повзрослели, Джек, и совсем не похожи уже на того Джека, с которым я когда-то познакомился. Посмотрим, пригодится ли это вам в жизни. Будем надеяться. А теперь идите. Только не куда-то, а на урок: он еще не закончился. И Торрес прихватите с собой. А то она еще тоже скажет пламенную речь, и мое сердце остановится.

Мы вышли из кабинета и долго молчали.

Эва смотрела на меня и не шевелилась, будто ее парализовало на время, а потом сказала:

– Да, Фокс прав, я тоже от тебя не ожидала. Ты стал таким...

- Каким таким? – спросил ее я.
- Взрослым, Джек. Я тебя не узнала.
- Ладно, пойдем на урок, – стуча в дверь, сказал ей я.

Миссис Кэролин указкой отправила нас с Эвой за парту. Обычно всегда мы сидели на последней. Не любили высовываться. Да и желающих было немного ее занять. В классе нас было десять человек: семь мальчишек и три девчонки. Эва, получается, была девчонкой. Даже в юбке ходила, а раньше говорила: «Не буду, не буду носить. Глупости это все. Штаны есть, и хорошо!» Еще про меня что-то говорит. Сама вон другая стала.

– Сегодня у нас важная и интересная тема. Мы поговорим о Фолклендах. Мальвинские или английские – вот в чем вопрос.

В классе воцарился хор голосов, половина кричала «английские», другая – «Мальвинские».

– После освобождения от испанской короны Фолкленды в течение нескольких лет были аргентинскими.

– Так и как же быть, Кит?

– Сейчас острова принадлежат Британии, и меня все устраивает, – ответил Кит.

– Эва? Как ты считаешь? Твой отец – аргентинец, – обратилась миссис Кэролин с вопросом к ней.

– Я вне политики. Я в нирване. Мне главное, чтобы был мир. Да и отец никогда не вмешивается в дела государственные и мне не советует.

– Так, а Джек, твое мнение на эту тему, – обратилась она ко мне.

– Я считаю, что на сегодняшний день это нерешенный вопрос. И обязательно настанет день, когда назреет конфликт. Это же логично. Две страны и один остров. Никто не отдаст его просто так, как раздает пирожки и печенье мисс Молли Браун. Не знаю только, кто тогда я буду и где. Может, меня и в помине не будет.

Все засмеялись, а с первой парты Сюзан Бутби, маленького роста, плотного телосложения, с черными кудрявыми волосами, в несуразном платье в большой горошек, спросила у миссис Кэролин:

– А вы, миссис Кэролин, за кого вы? Кому все-таки принадлежат по праву острова? Фолклендские они или Мальвинские? – обратилась с ухмылкой она к учительнице.

– Я, Сюзан...

Не успела она ответить на ее вопрос, как мелодичный звук подал сигнал об окончании урока.

Улыбнувшись, миссис Кэролин, посмотрев на класс, сказала:

– Видите, как! Пусть, значит, это останется загадкой, ребята. – И, улыбнувшись, развела руками.

– Ну скажите, скажите! – доносились голоса из класса.

– Миссис Кэролин покачала головой и сказала:

– Я учитель истории, а не демагог. – С этими словами она покинула наш класс.

Следующей по расписанию была химия. Я любил этот предмет, ведь я никогда не знал, что от него можно было ожидать. Я всегда приходил в восторг, когда наш учитель химии Джефри Пек начинал проводить лабораторные эксперименты. Мы всем классом внимательно наблюдали за ним и за тем, как он берет свою стеклянную колбу с одним веществом и выливает содержимое в другую емкость, потом – другую колбу с другим содержимым, словно алхимик, а потом, после всех его маневров, обычно возникала вспышка и поднимался дым. Не зря его прозвали в школе ядерным взрывом. Прическа у него была интересная. Волосы топорщились вверх, и глаза немного выходили из орбит. Он напоминал сбежавшего из психиатрической лечебницы. Но мы знали, кем он действительно являлся. Он был нашим всеми любимым безобидным учителем химии.

На доске было уже написано два химических элемента: Al и Hg.

– Алюминий и ртуть, – пробормотала мне на ухо Эва.

– Всем здравствуйте! Прошу всех подняться и поприветствовать друг друга. Итак, сегодня мы будем говорить о двух химических элементах. Кто может рассказать? – обратился к нам учитель химии.

– Эва хочет! – указывая пальцем на соседку, громко сказал я.

– Прекрасно! Эва, прошу к доске, – радостным голосом позвал ее учитель.

– Ты следующий! Месть не за горами! – пригрозив, выпалила недовольная Эва.

– Итак, какие это элементы, расскажи нам, пожалуйста.

– Эва вышла в центр и с гордым видом стала рассказывать:

– Первый – это алюминий. Легкий металл серебристо-белого цвета. Он достаточно гибкий. Легко поддается механической обработке. Химический элемент тринадцатой группы.

– Так, Эва! Отлично! Продолжай! – восклицал учитель Пек.

– А второй – это уже пострашнее. Это ртуть. Серебристо-белая жидкость, пары которой ядовиты.

– Эва, скажи мне, а если соединить эти два элемента, что произойдет?

– Ну, тут несложно понять. Образуется сплав ртути и алюминия. Вверх поднимется вещество серебристого цвета, у которого меньшая плотность. Но я бы не советовала кому-то делать это.

– Да, правильно. Это очень опасный для здоровья человека материал. Не пытайтесь повторить, а то мне придется придумывать реакцию для вашего спасения, – улыбнувшись, обратился к классу учитель. – Эва! Блестяще! Молодец! Высший балл! Садись, пожалуйста.

Эва показала мне язык и села за парту.

– Выкуси! – показав фигу, веселилась Эва.

– Ладно, ладно! Я потерпел поражение. Ты выиграла, не опозорилась. А вот и звонок. Что у нас там? Литература. Сочинение. Оценки.

Глава 16

И вот мы с Эвой уже восседали на уроке литературы. Прямо как из книги, перед нами предстала любящая литературу как родное дитя аргентинского происхождения, изящная дама Андреа дель Бока.

Поздоровавшись с нами, она сразу обратила свой взор на тетради, лежащие у нее на столе:

– Так, ребята, я ознакомилась с вашими сочинениями, и некоторые из вас меня удивили. Итак, Джек Лэйн. Что тут скажешь? Ты написал слово «незаконнорожденный» отдельно. Это войдет в анналы истории нашей школы. Как так получилось, Джек? – обратилась она ко мне.

– Сам не понимаю, как так произошло, – схватившись за голову, ответил я.

Класс веселился, и я вместе с ним.

– Идем дальше. У меня в руках две тетради. И в них как две капли воды совершенно идентичные сочинения. Даже инициалы одни и те же. Эва, когда ты будешь списывать у Гарри, сидящего перед тобой, ты хоть подпиши себя. А то здесь два Гарри, только почерки разные.

– Невнимательно списала. Бывает, – отвечала Эва.

Наша миссис Андреа дель Бока продолжала отчитывать моих одноклассников. Так аккуратно и изящно, что это больше было похоже на просьбу, чем на какое-то порицание, которое вызывало внутри чувство неловкости и желание исправить, что натворил в тетради. Очень уж нам всем не хотелось ее расстраивать: настолько милой она была. В этот момент моя соседка повернулась ко мне и негромко сказала:

– Пока мы здесь, мы в тюрьме. Я про школу: время только теряем. Скука смертная. Вот видишь окно? За его пределами столько всего интересного. Свобода выбора, чувствуешь? – продолжала она.

– Ничего ты не понимаешь. Не успеешь оглянуться, как зазвучит последний звонок и ты и я окажемся уже совсем за другими партами колледжа. И там с тобой никто не будет нянькаться, подруга. Начнется совсем другая, уже взрослая жизнь. Придется тебе нести ответственность, – ответил ей я.

– Опять свою песню запел. Как дед старый. Я и так все знаю. Не учи ученого! – сказала она.

– Ты меня смешишь! – вытирая слезы от смеха, сказал я. – Может, после школы махнем в порт, посмотрим на корабли? – предложил ей я.

– Давай литературу отсидим, последний вроде урок. И махнем за пределы школы, – сказала мне Эва.

– Эва, мы не в тюрьме, – ответил ей я.

– Школа – это добровольное рабство. И мы на него подписаны на долгие годы.

– Испортила мне всю обедню. А я-то думал, что ты млеешь от математики. Сколько ты там полы в кабинете мыла, чтобы аттестацию получить?

– Джек, прекращай. Пару недель уж точно корячилась. А что мне оставалось? Ну не понимаю я математику.

– Да ладно рассказывать. Почти все за тебя помыл, подруга.

– Эва посмотрела на меня и, ущипнув за бок, улыбнулась.

Глава 17

Прозвенел звонок, и мы все гурьбой вывалились из школьных дверей, словно креветки из сетей, и рванули в разные стороны. А мы с Эвой отправились в Порт-Стэнли.

– Когда-то я стояла здесь с отцом и была ему по пояс. Мы выросли, Джек, а Стэнли не стареет.

– Сколько лет прошло, а порт действительно совсем не изменился. Все такой же. Посмотри, какие волны, Эва!

Атлантический океан выглядел очень взволнованным и беспокойным. Волны накрывали прибрежные камни и пытались вырваться за допустимые пределы. Очень уж океану хотелось нарушить эти правила. Я подошел ближе и стал наблюдать за ним. Он же, в свою очередь, занимался своим делом, выбрасывая на берег рыбу и ракушки, которые я возвращал ему назад. Я принял правила его игры. На прощание он протянул мне свою соленую холодную руку, а я в ответ достал из кармана конфету, как это делал отец, и бросил в океан.

– Теперь точно по рукам! – смотря вдаль, сказал я.

– Ну что, пойдем. Ветер поднялся. Может, заглянешь к нам на чай, мама приглашала, – обратился я к ней.

– Коль приглашала, я не смею отказываться, – шутя отвечала она.

– Джек, давай скорее, побежали, сейчас будет дождь, посмотри, какие тучи.

Я поднял голову и увидел серые грозные тучи. В тот момент мне показалось, что они нависли прямо надо мной и я мог достать до них руками. Даже крошечные просветы, которые были секунду назад на небе, скрылись из виду. И теперь лишь они правили грозным балом. Я закрыл глаза, и пошел дождь.

Недолго думая, мы помчались домой. Нас подгоняли ветер, который надувал свои щеки, и дождь, наполняющий своей небесной водой все вокруг, в том числе и наши с Эвой башмаки. Дождь прокрался за шиворот, напоминая о себе, лез в уши и в глаза, а потом прятался в одежде, оставляя на ней лишь свои мокрые следы. Все, что было на нас надето, оказалось в дожде. До самого конца нашего пути дождь был с нами, и лишь когда мы зашли домой, он стал утихать. Мы стояли на крыльце мокрые до нитки, и я постучал в дверь.

– Ребята! Давайте заходите уже. Какой сильный дождь! – встретила нас мама.

– Да, он такой! – отжимая свои носки, согласился с ней я. Но все же, мама, у природы нет плохой погоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.